Реквием каравану PQ-17

Автор:
Валентин Пикуль

Реквием каравану PQ-17

Валентин Саввич Пикуль

Книга Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17» посвящена одному из драматических эпизодов Второй мировой войны – гибели союзного каравана в северных широтах. Это произведение, которое сам автор назвал документальной трагедией, можно уверенно назвать визитной карточкой писателя. Валентин Пикуль проявил себя в этой книге как литератор-документалист, не лакирующий действительность, а ищущий истину.

Валентин Пикуль

Реквием каравану PQ-17

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© Пикуль А.И., 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

В этой давней истории мало беспристрастных свидетелей – еще меньше объективных судей.

Но слезы не высохли…

По вечерам еще скорбят старухи матери на зеленых берегах Волги, Темзы и Миссисипи.

Но сначала мне хочется сказать…

Мой отец начал жизнь матросом на балтийских эсминцах, а закончил ее комиссаром морской пехоты в руинах Сталинграда. От него я перенял любовь к флоту и юношескую тягу к стремительным кораблям. Сейчас мало кто знает, что с 1942 по 1945 год в нашем флоте существовало воинское звание – юнга. Оно присваивалось подросткам, которые освоили флотскую специальность, дали воинскую присягу и могли наравне со взрослыми нести самостоятельную вахту возле механизмов. К числу таких счастливцев принадлежал и я. Мне было 15 лет, когда я стал рулевым на эскадренном миноносце. Удивляться тут нечему: война – время большого доверия к юности.

Нам, юнгам, очень хотелось попасть в самую заваруху морской войны, и мне здорово повезло – я служил на Северном флоте. Наши эсминцы охотились за подлодками противника. В составе союзных эскортов они конвоировали караваны с поставками по ленд-лизу. Не все еще в нашей стране отчетливо представляют, какой длинный и страшный путь проделала через океан простая банка свиной тушенки, пока ее где-нибудь в окопах под Курском не вскрыл штыком наш героический солдат…

О том, что все виденное было историей, я понял гораздо позже – к сожалению! Сумбурные восприятия флотской юности легли в основу моего первого романа (кстати, не совсем удачного), и я думал, что уже никогда не вернусь к этой теме вторично: меня надолго увлекла русская история. Помню, что в 1969 году я готовил к печати очередной исторический роман «Пером и шпагой» – роман о

секретной дипломатии XVIII столетия, – и вдруг – в самый разгар работы! – меня властно заполонила тема каравана PQ-17; я отложил наше давнее и взялся за наше ближнее.

Это была как бы встреча с юностью…

В памяти возникли бензиновые пожары на танкерах; казалось, я снова вижу, как стонуще умирают транспорта, а на их палубах танки и паровозы, словно обезумев, расшибают грузовые контейнеры. С первых же слов я понял, что у меня получается реквием – вроде последнего «прости» всем тем, кто с палубы корабля шагнул прямо в бездну.

В сокращенном варианте «Реквием» был напечатан сразу же после написания. Ленинградский журнал «Звезда» опубликовал его в майском номере за 1970 год, посвященном 25-летию Дня Победы. Я никак не ожидал, что больше всего откликов получу от читательниц. «Реквием каравану PQ-17» женщины почему-то восприняли гораздо острее, нежели читатели-мужчины. Здесь же позволю себе выразить глубокую благодарность всем, кто указал мне на недостатки и явные промахи, которые я постарался исправить, готовя книгу к отдельному изданию.

Естественно, в такой краткой вещи, как эта, немыслимо отразить всю полноту описываемых событий, и потому более подробную картину судьбы PQ-17 читателю следует искать в специальных работах.

По ночам в Атлантике, этой извечной колыбели флотов всего мира, жутко становилось иногда человеку…

Ты встречал мертвецов с пропавших кораблей, и волна несла их на своем ликующем гребне, а мертвецы не тонули, раздутые, как и бушлаты на них, насыщенные капкой и воздухом.

Ты слышал, как во мраке вдруг начинали работать дизеля, питая током опустошенные за день батареи подлодки, а вот и она сама – низкая длинная тень с бульбой рубки, которую заплескивает море.

Ты видел, как проносилась растворенная в ночи теплая громада крейсера, а куда он идет – об этом зачастую не ведали даже те люди, что несли вахту на его мостиках.

Ты невольно вбирал голову в плечи, когда из ночных туч, с воем поглощая пространство, падала тяжелая «каталина» на двух звенящих моторах, из фюзеляжа ее рушилось что-то похожее на бочку – это еще одна мина прибавилась в океане.

И чаще всего погибал человек в Атлантике самой худшей из всех смертей, которая зовется безвестной. Это не та общедоступная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы…

Моряки предельно точны в своих докладах:

– Срок автономности вышел… в эфир на связь с базою не выходит… позывные – без ответа!

Ну, значит, конец.

Часть первая. Атлантика

– Нет, сэр, – невозмутимо ответил Брукс. – Но я бы хотел отметить один факт, о котором часто забывают… Страх может подавить человека. По-моему, нигде это чувство не проявляется с такой силой, как при проводке конвоев в Арктике… Знаете ли вы, адмирал Стар, каково приходится людям там, между островом Майен и островом Медвежьим, в февральскую ночь? Это тяжелая, мучительная борьба, каждая ваша мозговая клетка напряжена до предела… Вы находитесь как бы на грани сумасшествия… Знакомы ли вам эти ощущения, адмирал Стар?

Ол. Маклин. «Корабль его величества “Улисс”»

Май 1941 года

В мае 1941 года британские станции радиоперехвата нащупали в эфире учащенную работу самолетов германской метеоразведки. Лаборатории службы погоды, летящие над океаном, взяли под наблюдение колоссальный район – от Исландии, где уже высадились англичане, до сплоченных ледников Гренландии, где недавно стали хозяйничать американцы. Немцев интересовало состояние паковых льдов, плотность туманов, скорость ветра и сила волнения на море…

Начальник английской морской разведки предстал перед Дадли Паундом, первым лордом Адмиралтейства.

– Сэр, – сказал он, – у меня такое предчувствие, что Берлину неспроста понадобился долгосрочный прогноз погоды. Хочется верить, что мы уже держимся за хвостик веревки, с другого конца которой вьется петля для висельника.

Дадли Паунд отреагировал на это без улыбки:

– Надеюсь, Годфри, вы не дадите меня повесить?

– Нет, сэр! Мы приложим все старания, чтобы сунуть в петлю вашего берлинского коллегу – гросс-адмирала Редера.

– Благодарю вас, Годфри, вы всегда так любезны…

Восемнадцатого мая 1941 года германский линкор «Бисмарк» отвалил от пирса оккупированной польской Гдыни. Гарнизонный оркестр исполнил при этом печальную мелодию, прозвучавшую в это тихое утро траурно-щемяще. Впрочем, гитлеровский адмирал Лютьенс рассчитывал, что операция под кодовым названием «Рейнское учение» завершится благополучно.

– Если бы не эта грустная баллада, совсем некстати сыгранная в нашу честь, никто бы и не заметил нашего отплытия. Я надеюсь, – говорил Лютьенс на мостике «Бисмарка», – что, пока мы не вырвемся на простор океана, в Англии даже кошка не шевельнется. Смотрите, как пустынно море: все корабли задержаны в портах, чтобы нас никто не заметил…

Но «кошка» шевельнулась в другом углу Европы – в тихом нейтральном Стокгольме, где британский атташе Дэнхем встретил в клубе своего приятеля – офицера шведского флота.

– Кстати, – как бы между прочим сказал швед, сдавая в игре трефового туза, – сегодня на рассвете наш крейсер «Готланд» случайно разглядел в тумане «Бисмарк»! Судя по мощному буруну под форштевнем, он куда-то здорово поторапливался.

Дэнхем тут же покрыл туза козырной мастью:

– Вы проиграли пять крон и вряд ли уже отыграетесь, ибо посол просил меня не задерживаться сегодня в клубе…

Скорой походкой он отправился в посольство. В три часа ночи в Лондоне разбудили начальника морской разведки:

– Депеша из Стокгольма под грифом «весьма срочно». Атташе Дэнхем сообщает, что «Бисмарк» проскочил проливы…

Но шведский крейсер «Готланд» был замечен и на «Бисмарке», отчего настроение адмирала Лютьенса испортилось.

– Придется радировать в Берлин, что нас, кажется, уже рассекретили… Эти проклятые нейтралы шляются где хотят, и никак нельзя заткнуть им глотку одним хорошим залпом!

Гросс-адмирал Эрих Редер вчитался в полученную от Лютьенса радиоквитанцию расшифровки и тоже расстроился:

– Неприятная встреча! Впрочем, шведов вроде бы и нельзя упрекнуть в излишней болтливости. Будем надеяться, что они хотя бы два дня подержат язык за зубами.

Однако рано утром 21 мая флотские радиостанции Германии уже стали перехватывать приказы Британского адмиралтейства об активном воздушном поиске «Бисмарка».

– Но, – сказал Редер, не теряя хладнокровия, – как докладывает наша агентура, британские линкоры метрополии еще околачиваются на рейдах Скапа-Флоу, а «Хууд», если верить остолопам из авиаразведки Геринга, застрял на ремонте в Гибралтаре… Нет, мы не станем отменять операцию!

В расстановке сил британского флота Редер ошибался.

Несколько дней подряд внимание всего мира было приковано к северной Атлантике, где Гитлер решил опробовать мощь своего суперлинкора на самом рискованном оселке – на английском! В мировой печати совсем незамеченным проскочило краткое сообщение, которое в другие времена могло бы стать газетной сенсацией: где-то между Африкой и Южной Америкой германская подлодка торпедировала американское судно «Робин Мур»… Фашистский флот наглел от нечаянных успехов.

Теперь слово за английской воздушной разведкой!

– Джонни, Джонни, мы теряем высоту, Джонни… Разве ты не слышишь нас, Джонни? Машину трясет… мы разваливаемся… но я вижу… хорошо вижу его, Джонни… это он, Джонни!

Британский самолет, разбрасывая по кускам свои крылья, с воем врезался в норвежские скалы. Офицер корпуса горных егерей поднял руку, останавливая бегущих солдат своей роты:

– Не лезьте туда, ребята! Лучше подождать гестапо.

До чего же сладко дышится по утрам в фиордах Норвегии, вот и первые ландыши проклюнулись в траве… Гестаповцы разбили фонарь кабины стрелка-радиста, внутри которой, скорчившись, лежал англичанин, почти мальчик. А глаза потухшие…

– Во, бесстыжие глаза! Они, кажется, успели разглядеть именно то, что вся Германия сейчас прячет от Англии.

– Меня волнует другое, более насущное, – отозвался старший в команде. – Успел он радировать или не успел?..

Он уже мертв, этот англичанин. Через три дня на далекой родине между полоской жидкого клевера и бурым торфяным полем проедет на велосипеде скучающий мальчишка-почтальон, и будут над ним распевать в небе жаворонки. Почтальон постучится в старый дом и с поклоном вручит родителям похоронную…

Все будет именно так. Но он – успел!

А в коридорах Британского адмиралтейства – сквозняки, как и на эсминцах, что просвистаны штормами.

– Сэр! Кажется, мы его обнаружили.

– Опомнитесь, Хью, не совсем-то мне верится…

Первый морской лорд Уайтхолла даже рассмеялся. Солнечный свет за окном был так ярок. Серый костюм безукоризнен. Он задержал спичку возле сигареты – выждал подтверждение.

– Именно так, сэр! – сказал офицер-оперативник. – Наша воздушная разведка засекла его в Корс-фьорде.

Спичка обожгла пальцы. Беглый взгляд на карту: Корс-фьорд – это уже близ Бергена. «О, как далеко забрались эти паршивцы!» Но голос лорда спокоен:

– Это все, что вы знаете, Хью?

– Да, сэр. Но и это дорогой ценой, сэр…

Так англичане установили место новой стоянки гитлеровского линкора «Бисмарк». Позже один из посланных к Бергену самолетов, сумев остаться незамеченным для немцев, произвел аэрофотосъемку. Расшифровка снимков показала, что рядом с «Бисмарком» базируется и тяжелый германский крейсер «Принц Эйген»…

Адмирал Лютьенс перед выходом в море сказал в узком кругу своих офицеров:

– Вот уже два опытных адмирала ушли со своих постов, и я не желаю быть третьим! Я стану выполнять не партийные программы фюрера, а лишь приказы оперативного руководства…

Не все понятно историкам второй мировой войны. В этой фразе Лютьенса, оброненной как бы случайно, они пытаются отыскать некий потаенный смысл. Мы же этого делать не станем.

Пойдем, читатель, следом за «Бисмарком» в океан.

Нам нужен факт и выводы из этого факта.

…

В мае 1941 года Европа перестала пахнуть ландышами.

Май, веселый май, куда делись твои чистые радости?..

Великая страна на Востоке еще спит спокойно.

Не знают отцы и матери – не ведают дети их.

Один лишь месяц нам осталось жить в мирной тишине.

Море, полное чудес, плескалось тогда у моих ног, и я кричал от восторга, если видел корабль. В моем представлении корабли могли нести людям только радость.

2 – 1 = 1

Их было у Гитлера всего два, всего два линкора, неповторимых по своей мощи: «Бисмарк» и «Тирпитц». Почти близнецы, от одной матери – Германии, от одного отца – фашизма. Они были спущены на воду недавно, с официальным водоизмещением 35 000 тонн.

Впрочем, это – для дипломатов, для мирных конгрессов…

Предвоенная гонка вооружений имела свои злокачественные тайны. Риббентроп заверил Англию, что водоизмещение «Бисмарка» и «Тирпитца» составит 35 000 тонн, длина их почти четверть километра, а ширина – 36 метров; так что Англия может спать спокойно. Но британские адмиралы сразу заметили подозрительное несоответствие в цифрах: «С шириной корпуса у немцев что-то неладное. Очевидно, они задумали раскатать свои линкоры в плоский блин, сделав их мелкосидящими, как сковородки». Берлин подтвердил, что осадка линкоров всего 7 метров (плюс какие-нибудь сантиметрики). А это значило, что Гитлер готовит линкоры для мелководной Балтики – против СССР! Такое положение вполне устраивало политиков мюнхенского сговора с Гитлером, и Англия вроде бы успокоилась…

Но Москва побочными каналами дипломатии уже дала понять Уайтхоллу, что ширина линкоров образовалась от резкого увеличения тоннажа, а глубина их осадки превысит 10 метров, так что в Финском заливе им нечего делать, зато в Атлантике… да-а, на этой старинной английской кухне они могут переколотить всю посуду. Начальнику британской морской разведки его офицеры не раз советовали:

– Сэр! Это ведь так просто – снять трубку телефона и позвонить советскому военно-морскому атташе. России нет смысла скрывать от нас подлинный тоннаж линкоров Гитлера…

Пленные гитлеровские моряки в один голос уверяли англичан, что «Бисмарк» и «Тирпитц» имеют водоизмещение не больше 42 тысяч тонн. Но они называли не полное, а стандартное водоизмещение. Германские архивы, вскрытые после войны, показали полный тоннаж линкоров в 52 700 тонн, и эти данные точно совпадали со сведениями, которые добыла перед войной советская разведка…

«Бисмарк» и «Тирпитц», два великана, могли развивать скорость до 30 узлов, обладая при этом дальностью плавания в 17 500 миль; линкоры несли на себе по

8 башенных орудий сокрушающего калибра, имели в ангарах самолеты, торпедное вооружение и команды в 2400 человек.

Геббельсовская пропаганда считала их непобедимыми.

Это в какой-то степени правда, ибо ни один флот Европы не имел тогда таких могучих и совершенных кораблей…

Сейчас «Бисмарк» отстаивался в оккупированной стране, на зеркальной тиши рейда, уже готовый к «прыжку пантеры» на просторы Атлантики, чтобы начать планомерный разгром всего и вся, что встретится ему по курсу. В содружестве с крейсером «Принц Эйген» «Бисмарк» должен был стать могучим рейдером в океане. Иначе говоря – разбойником-одиночкой!

Адмирал Лютьенс уже имел в подобном разбое немалый опыт. Совсем недавно на линкорах «Шарн-хорст» и «Гнейзенау» он совершил дерзкий прорыв к берегам Америки, где ему удалось пиратствовать по всем правилам большой дороги…

Двадцать первого мая 1941 года якоря были выбраны…

…

В глубоком Датском проливе, что огибает Исландию с севера, в канале между минным полем и кромкой пакового льда, на английском крейсере «Суффолк» работал радар. Экраны локаторов заранее отметили приближение гитлеровского флагмана. «Суффолк» по радиопеленгу наводил на цель корабли флота метрополии. Они подошли и вцепились в «Бисмарк» клыками своих орудий.

Огонь был открыт противниками почти одновременно с колоссальной дистанции. «Бисмарку» удалось сразу же поразить «Хууд»; броня линейного крейсера, принесенная в жертву скорости, пропустила через себя немецкий снаряд, и он лопнул внутри погребов. Адский взрыв потряс один из лучших кораблей британского флота – из 1400 человек команды в живых остались только трое.

Немцы немедля перенесли огонь на новейший линкор англичан «Дюк-оф-Уэллс», и, сильно дымя, тот беспомощно отвернул в сторону. «Бисмарк» же имел два прямых попадания. Один из снарядов вскрыл в его носу обширные нефтехранилища, и теперь длинный жирный хвост тянулся по морю. Турбины в 138 000 лошадиных сил, прокатывая гребные валы винтов, сейчас уносили «Бисмарк» от преследования курсом на зюйд.

Подоспели британские крейсера и всадили в него первую торпеду. Огрызаясь огнем, «Бисмарк» уходил на Брест, и стрелки тахометров в его рубках указывали полное количество оборотов. К вечеру англичане опять настигли линкор, снарядами они разворотили ему надстройки… Карта боя рисует поразительную дугу: обогнув Исландию и Британские острова, «Бисмарк» лежал теперь на курсе, прямом как стрела, – на Брест, только на Брест (уже дымилась его крупповская шкура, которую надо было спасать).

А берлинские фанфары завывали на весь мир: радио Геббельса трубило о легкой победе над «Хуудом», о той страшной угрозе, которая нависла теперь над Атлантикой – этой главной военной артерией англичан. И тогда Британское адмиралтейство бросило против «Бисмарка» самые значительные свои корабли. От баз метрополии отошли линкоры «Кинг Георг V» и «Родней», авианосец «Викториуз», крейсера, эсминцы, подводные лодки. От Гибралтара устремился в битву линейный крейсер «Ринаун», от берегов Африки спешил линкор «Рамилиуз», летели в океан авианосец «Арк Ройял», крейсер «Шеффилд» и дивизионы эсминцев.

Англичане хотели спасти престиж своего флота. Но они сами не заметили, что, бросая почти весь свой флот против одного линкора, они невольно теряли этот престиж. Самолеты-торпедоносцы, поднятые с палуб авиаматок, нанесли по «Бисмарку» удар, и удачный: наконец-то линкор захромал, гася свою предельную скорость. Дождевые шквалы забушевали над Атлантикой, и на рассвете 25 мая британские крейсера потеряли «Бисмарк». Дальнейшие поиски его и погоня за ним быстро истощили топливные цистерны британских кораблей.

«Принц Эйген» пропал за пеленою дождевой мглы. Вся ярость травли обрушилась на «Бисмарк». Британские торпедоносцы в спешке свалили боевой груз на свой же крейсер «Шеффилд», который с большим искусством увернулся от попаданий. Наконец одна из торпед заклинила рули на «Бисмарке»; при сильном шторме линкор развернуло лагом к волне, и турбины бешено выли от усилий котельных установок. Экраны локаторов на «Бисмарке» отмечали

появление британских эсминцев еще за 10 миль – и огонь башен линкора отгонял их прочь.

Насосы британских кораблей уже дохлебывали последние тонны горючего, когда «Бисмарк» сумел вторично оторваться от погони. Брест был уже недалек: казалось, еще немного, и спасение придет. Но над волнами пролетела косая тень британского «Норфолка» – эфир вздрогнул от призывов крейсера: «Он здесь, он тут, я его вижу…» И горизонт снова ожил. Башни линкоров дрогнули, орудия безжалостно и точно нащупывали цель.

На дистанцию в 50 кабельтовых к «Бисмарку» подскочил «Родней», и частыми залпами – в упор! – англичане лихо расстреляли его орудийные башни. Главная посудина Гитлера (искромсанная, пылающая, недвижимая) погибала, еще продолжая работать машинами, но орудия ее уже молчали. При погружении в воду раскаленные докрасна надстройки линкора окутались клубами шипящего пара, и это шипение скоро перешло в резкий протяжный свист. А в задраенной боевой рубке тонул обгорелый труп адмирала Лютьенса. Это произошло 27 мая в 11 часов утра в Атлантическом океане, всего в 400 милях от оккупированного немцами Бреста…

Англичане успели подобрать из воды лишь немногих. А потом, когда победители – все в ожогах и пробоинах – ушли по домам, поверхность моря взбурлила. Оттуда, из глубин океана, выскакивали лоснящиеся, как тюлени, рубки подводных лодок, украшенные пауками свастик. Подлодки имели приказ снять с «Бисмарка» журнал его боевых действий и, если это окажется возможным, спасти адмирала Лютьенса с его штабом… Подводники истошно призывали уцелевших, но океан безмолвствовал.

…Английские историки пишут: «Отныне немцы больше не возвращались к честолюбивым планам, характерным для весны 1941 года, а использовали оставшиеся в их распоряжении надводные силы только на Балтике и против судов, доставлявших снабжение на север России».

…

Именно в день потопления «Бисмарка» выступил по радио Ф. Рузвельт, объявив о «чрезвычайном положении нации».

– Война, – сказал президент США, – приближается к берегам Западного полушария. Подходит к нашей родине… Битва в Атлантике теперь идет на всем протяжении от арктических вод Северного полюса до мерзлоты континента Антарктики…

Рузвельт умел предвидеть события. Он еще раньше предупредил свой народ: «Пусть никто из вас не думает, что Америка избежит войны, что она найдет пощаду, что на Западное полушарие не нападут…» Тогда же США начали накопление стратегического сырья и дефицитных товаров. Богатейшая в мире страна жадно заполняла свои кладовые на случай войны.

Но война в мае 1941 года стояла уже возле рубежей СССР!

Однако в нашей стране потопление «Бисмарка» не вызвало сильной реакции; странные и не всегда объяснимые ситуации этого боя изучались лишь офицерами флота. Было ясно, что Home Fleet в борьбе с «Бисмарком» совершил немало грубейших просчетов, весьма постыдных для чести моряков Англии… По авторитетному мнению советского адмирала А. Г. Головко, «случай с «Бисмарком» весьма характерен для понимания дальнейшего, вплоть до истории с PQ-17».

«Топи их всех!»

Протокол Лондонской морской конференции от 1930 года был признан и подписан Германией в ноябре 1936 года. Там в 22-й статье сказано:

«…Подводная лодка не имеет права потопить или вывести из строя судно, предварительно не обеспечив безопасность пассажиров, команды и судовых документов. Корабельные шлюпки не могут считаться средством,

гарантирующим безопасность, если поблизости нет другого судна, которое взяло бы на борт и пассажиров, и команду».

Прошло три года. Ровно через 12 часов после объявления войны пассажирский лайнер англичан «Атения» был взорван германской подлодкой «U-30» (командир Лемп). 112 пассажиров, среди них женщины и дети, так и погибли в море, наверное, даже не зная о 22-й статье Лондонского протокола. Гитлер при этом нагло заявил, что англичане сами, невзирая на детей и женщин, потопили свой пароход, чтобы их пожалели добрые американские дядюшки. В бортовом журнале «U-30» была вырвана страница с целью замести это первое преступление фашистских подводников, а команде внушили, что они должны «изгладить из своей памяти все события этого дня»[1 - Это первое преступление фашизма на море детально описано в 3-й главе книги лорда Э. Рассела «Проклятие свастики», которая вышла в русском переводе в 1954 г. (Здесь и далее примечания автора.)].

Двадцать третьего сентября, когда догорала разбомбленная Варшава, Гитлер с Редером издали приказ: все торговые суда, которые начнут радиопередачу в эфир при встрече с германской подводной лодкой, должны быть безжалостно потоплены. А так как любой корабль, встретив подлодку со свастикой, неизбежно начинал взывать по радио о помощи, то это значило – приговор экипажам судов уже подписан заранее!

В ответ на вооружение британцами своих торговых кораблей гросс-адмирал Эрих Редер объявил, что теперь в мире вообще не существует судов торговых.

– Мы будем топить всех, – сказал он.

С болью в сердце гросс-адмирал согласился с Гитлером, что топить суда нейтральных стран пока еще рановато.

– Но мы будем топить и нейтралов, если они идут в море без яркого освещения!

Тогда же адмирал Карл Дениц (главарь подводных сил Германии) издал приказ расстреливать из пулеметов людей, спасающихся после торпедирования их судна.

В сентябре 1940 года англичане, нуждаясь в кораблях, обменяли свои базы в океане на 50 старомодных эсминцев США. Эти корабли с четырьмя чадящими трубами были ужасное барахло: семь из них перевернулись в Атлантике кверху килями, так и не повидав берегов Европы. Но гитлеровские адмиралы вдруг проявили беспокойство:

– Кажется, пришло уже время нашим подлодкам навести порядок в американских водах…

Ретивых адмиралов одернул Гитлер:

– Перед великой Германией сейчас иные задачи: нам нельзя ссориться с США, пока не завершится поход на Восток…

Двадцать второго июня 1941 года начался поход гитлеровских полчищ на Страну Советов, но Гитлер еще колебался.

– До середины октября, пока не возьмем Москву, – убеждал он адмиралов, – не должно быть никаких морских инцидентов с США…

Шестого декабря при сильной вьюге, когда мороз достигал 38 градусов, наши войска под Москвой обратили хваленый вермахт в бегство, а на следующий день японцы учинили разгром американского флота в Пирл-Харборе, и эти два известия застали Гитлера врасплох… Но, оправившись от потрясения, он тут же спустил собаку с цепи. Адмирал Дениц полностью разделял идеологию нацистов. Он очень любил провожать в море свои подлодки такими словами:

– Вперед, мои небритые мальчики! Фюрер верит вам, он следит за каждым вашим шагом… Атакуйте! Преследуйте! Топите всех!

Тогда же, в январе 1942 года, Гитлер принял в своей ставке японского посла Осиму и заверил его, что германский флот еще задолго до объявления войны США уже немало испортил крови американцам, поглощенным любовью к наживе. Осима молчал. Гитлер говорил, что американцы вообще неспособны к войне, ибо они спят и видят во сне лишь доллары. Осима молчал. Гитлер сказал, что его подлодки давно топят американские корабли, где бы они ни встретились. Осима молчал, и это выводило фюрера из себя. А в таком деле, как война на море, утверждал Гитлер, придерживаться гуманных взглядов

преступно… Осима, черт его побери, молчал.

– Желаю и кораблям вашего флота, – говорил Гитлер, – чтобы они тонущих в плен не брали! После торпедирования противника подлодки должны всплывать и расстреливать не только шлюпки, но и тех паршивых неудачников, которые кувыркаются среди обломков, отыскивая доску понадежней. Обучение новых команд обходится противнику дорого – это же чистая экономика!

Осима обнажил в улыбке квадратные зубы и сказал, что японцы только так и поступают с врагами.

На самом же деле они поступали несколько иначе, об этом в советской печати сохранилось свидетельство:

«Первым на борт подлодки забрали 18-летнего юнгу, застрелили его и выбросили за борт. Остальным крепко связали руки и под разглагольствования на ломаном английском языке… били и истязали. Примерно в полночь началась (по словам японцев) настоящая забава. Каждого американца заставляли бежать по палубе между строем японских подводников, вооруженных дубинками, мечами и штыками. В конце этого строя жертва… сбрасывалась за корму. Так было покончено с 60 американскими матросами…»

Но тут прозвучал ревун срочного погружения – японская субмарина быстро ушла в пучину, оставив на поверхности океана 35 американцев со связанными за спиной руками. Несколько человек – это почти чудо! – сумели в таком положении удержаться на волнах, пока их случайно не заметило индийское судно. Они-то и поведали миру, как действуют японские подводники…

В конце аудиенции Гитлер с большим чувством пожимал холодную руку японского посла Осимы:

– В вашем лице я приветствую моего доблестного союзника, который не станет тратить слова и время напрасно…

Злодейство никогда не проходит безнаказанно, и, может, именно потому американские матросы любили эту песню:

Топи их всех, подряд их всех!

Японцев и немцев – всех!

Гитлера с Тодзио на их кораблях –

На авианосцах, на крейсерах!

…

С самого начала война на море приобрела характер войны «неограниченной» (то есть беспощадной). Наша страна вступила в эту войну, когда варварство уже было введено в систему. Жестокость врага особенно проявилась при столкновении с нашими кораблями.

Гросс-адмирал Эрих Редер был сторонником крейсерской войны на широких океанских театрах.

Адмирал Карл Дениц являлся яростным, убежденным апологетом войны подводной.

Между этими двумя доктринами крутился на сухопутье Гитлер, пока не понимая, кому верить – Редеру или Деницу?

От Флориды до Бреста

– Клянусь дьяволом! Это были молодые загорелые ребята в трусиках, все бородатые. Когда мы уже барахтались в воде, они снимали нас киноаппаратом с мостика. При этом у них был такой вид, словно они развлекались.

– Простите, капитан. Они вам угрожали?

– Нет, они долбанули нас торпедой под самый мидель без всяких угроз. Будто так и надо! Когда же я подплыл к их борту, они встряхнули меня за воротник и угостили коньяком. Будь я проклят, но такого хорошего я еще не пробовал в

жизни. Это был настоящий коньяк…

– А вы не спросили их, зачем они вас торпедировали?

– Я спросил. Но они с хохотом отвечали, чтобы я подал иск за понесенные убытки Рузвельту или Черчиллю.

– Они не издевались над вами, капитан?

– Да нет. Поговорив со мной сколько им надо, они треснули меня коленом под зад. Я кувыркнулся за борт и поплыл дальше, чтобы найти доску. Но перед этим они угостили меня еще сигаретой.

– Наверное, немецкая сигарета была из опилок?

– Прекрасная сигарета! Я же говорю вам – у них все самое лучшее. Они отлично живут, эти сорванцы, которые повадились шляться возле наших берегов. Если уж быть честным до конца, то мне только одно не понравилось в этих фашистах…

– Что же именно?

– Они перестреляли команду в воде, и в живых остался только я один из числа всего экипажа…

Операция по разбою близ побережья Америки носила громкое название «Paukenschlad», что в переводе на русский язык означает – «Удар в литавры».

…

Вот когда настали веселые денечки! До чего же приятно с торпедами в аппаратах шлепать на дизелях с открытыми люками вдоль побережья Флориды. Райские кущи видит молодой зверь, наблюдая за чужой мирной жизнью, утонувшей в сиянии неоновых огней. На много миль протянулись красочные

курорты и чудесные пляжи Майами… Стук дизелей сменился утробным рычанием моторов – подлодка ушла в глубину. Ральф Зеггерс в шелковой безрукавке и трусиках, беспечно насвистывая мелодию из Массне, брал через перископ пеленги на ярко освещенные маяки. Если подойти к берегу поближе и всплыть, то можно бесплатно слушать музыку негритянских джазов, которые отлично работают по вечерам. И – вдруг…

– Что за наваждение? – удивился Зеггерс. – Берег пропал!

Только что ярко горевший неоном и блиставший огнями высотных зданий берег США вдруг почернел, как уголь. В действие пришел приказ Ф. Рузвельта о затемнении, и он вызвал яростную, почти дикую реакцию среди «тихих» американцев:

– Нам сорвали великолепный курортный сезон! Если этого не понимает Адольф Гитлер, то наш президент мог бы и понять…

Богатые дельцы из окон своих отелей теперь наблюдали факелами сгорающие танкеры. Женщины в купальных костюмах, лежа под зонтами, лениво посматривали вдаль, где подлодки топили транспорта. На золотые пески Майами океан стал выбрасывать трупы – обезображенные мазутом, изъеденные соляром…

США организовали оборону побережья слишком поздно, когда вражеские подлодки уже свободно шныряли возле Гаваны и Ньюфаундленда, их видели даже в устье Амазонки, они шлялись у берегов Мексики и Гвианы. Это был своего рода «блицкриг» – молния, блеснувшая из-под воды, и могучая активная страна оказалась на грани растерянности. Дело дошло до того, что Рузвельт просил Черчилля вернуть в США несколько кораблей, которые американцы столь щедро подарили англичанам, и Англия… вернула.

– Эти янки не знают, что им делать, – сказал Черчилль.

…

– Я знаю, что делаю, – ответил Зеггерс штурману. – Упреждение на ноль тридцать с интервалами в десять секунд… Носовые аппараты, к залпу… Внимание, ребята… пли!

Подводную лодку сильно тряхнуло на залпе, первый отсек доложил в центропост:

– Торпеды вышли!

Отработали рулями на погружение, чтобы субмарина, облегченная от груза торпед, не выскочила наверх. В руке штурмана, обвитой массивным браслетом, уже стучал секундомер.

Ральф Зеггерс, крепко зевнув, невозмутимо заметил:

– Секунд двадцать – не больше, и поросята отыщут свое любимое корыто…

Он не ошибся: на двадцать первой рвануло взрывами.

– А теперь посмотрим на дела рук божьих, – весело сказал Зеггерс, и мотором он поднял перископ из глубин шахты.

Цветная испанская косынка облегала его жилистую шею. Сильная цейсовская оптика приблизила судно, тонущее с резким дифферентом на корму. Видеть обросшее ракушей и водорослями днище корабля было так же неприятно, как рассматривать обнаженные скальпелем внутренности человека…

Штурман раскрыл бортовой журнал:

– Диктуй, Ральф… Каков тоннаж? Куда попадание?

Ударом руки Зеггерс переключил реверс, и тяжеленная труба перископа медленно, как обожравшийся удав, уползла обратно в шахту.

– Нейтрал! – сказал Зеггерс, морщась, как от запаха падали. – Триста килограммов тротила мы залепили в нейтрала. Поверь, сейчас, на закате солнца, все в мире кажется красным, и я принял флаг Португалии за британский… Не

отмечай в журнале!

Штурман, вскинув острые волосатые колени, долго хохотал, пачкая белые шорты ржавью и мазутом рифленого настила.

– Извини, Ральф, но так редко выдается веселая минутка… То-то сейчас там бегают эти чесночные португальцы!

Корветтен-капитан косынкой вытер вспотевшее лицо, от самого кадыка до глаз заросшее густой бородой.

– Продуть балласт к чертовой матери! – прогорланил он, и воздух с шипением ринулся в цистерны, выгоняя прочь за борт стылую океанскую воду. – На всплытие! Абордажную партию с двумя ручными пулеметами – наверх… Быстро, быстро, ребята!

Из пушки по гибнущему кораблю всадили для верности три снаряда, чтобы тонул поскорее. В руках полуголых матросов долго трещали автоматы. Крики людей, убиваемых прямо в лицо, постепенно стихли. Последним спустился с мостика командир, долго возился с кремальерой главного люка.

– Принять балласт, – велел он. – Свидетелей нашей ошибки не осталось. Они что-то орали, эти нейтралы: видать, хотели сообщить, что их война не касается… Это было смешно!

– Ральф, – построжал штурман, – а что мы скажем нашему «папе» Деницу, когда вернемся?

– Так и скажем, что виноват дурацкий закат…

Расстреляв все торпеды и опустошив топливные цистерны, субмарина Зеггерса отходила к Бермудским островам – там с судна снабжения лодка накачивалась горючим «до пробки», грузила боезапас – и снова шла за добычей. Наконец они сдали позицию другой подлодке и не спеша потянулись через Атлантику на базы Лориана. Из Биская, где корабли Франко снабжали немцев горючим и апельсинами, лодка вышла на связь с Килем. Главный штаб отдал приказ: экономическим режимом следовать на подходы к Бресту, занять там удобную

позицию, чтобы действовать сообразно обстоятельствам.

– Брест блокирован англичанами, а в гаванях Бреста – весь наш большой флот открытого моря, – призадумался Зеггерс. – Очевидно, кильские умники решили вклеить нас в какую-то секретную операцию… Что бы это могло быть?

Урча под водой моторами, субмарина заняла место у входа в Ла-Манш. Воздух внутри корабля был ужасен, а всплыть они не могли. Усталые батареи теперь интенсивно выделяли водород, замыкание рубильников стало взрывоопасным.

– У меня гудит в башке, – простонал Зеггерс. – Третий уже месяц болтаемся в море…

Среди ночи акустик попросил соблюдать на лодке тишину.

– Что ты там услышал? – спросили его.

– Шум… необычный шум со стороны Бреста.

– Винтов?

– Да! Но такие винты несут только очень большие корабли. Слышу и винты эсминцев! Они визжат, как мокрые тарелки, когда их протирают… Очень много кораблей идет из Бреста!

Зеггерс не выдержал напряжения и в рубке под мостиком выкурил сигарету. Потом, словно в оправдание своей слабости, он разбил оксилитовый патрон регенерации воздуха (дышать стало легче).

– Кто-нибудь… нажмите кнопку тревоги, – наказал он через люк внутрь поста. – Кажется, наш флот собрался прорваться из Франции обратно на родину через эту английскую канаву.

– Безумие, – прошептал штурман. – Так шутить с англичанами нельзя. Разве дуврский барраж пропустит наши крейсера через Ла-Манш и Па-де-Кале? Они же расстреляют флот батареями…

Зеггерс жадно хлебал кофе из горлышка термоса.

– Я думаю, – сказал он, – фюрер знает дело не хуже нас…

На рассвете через глаз перископа Зеггерс восхищенно отсчитывал идущие на прорыв корабли… Да! Немцы проводили одну из самых дерзких операций своего флота. Из «мышеловки» Бреста сейчас рвались на волю, как большие крысы, «Шарнхорст» и «Гнейзенау», с ними шел и «Принц Эйген», – из пределов оперативного простора они рвались на простор стратегический!

…

Хроника ТАСС (февраль 1942 года)

12 – Сражение в проливе Па-де-Кале между английской авиацией и германской эскадрой. В составе эскадры линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», бежавшие из Бреста в Северное море.

15 – Капитуляция Сингапура.

22 – ТАСС опровергает вымышленное сообщение газеты «Ници-Ници» о том, будто бы какой-то представитель советского посольства поздравил японскую императорскую ставку по случаю падения Сингапура.

24 – В Анкаре с провокационной целью инсценировано покушение на германского посла в Турции Папена.

25 – Сообщение Совинформбюро о том, что в районе Старой Руссы войсками Северо-Западного фронта окружена 16-я немецкая армия. Разгромлено несколько дивизий противника, оставивших на поле боя около 12 тысяч убитыми.

26 – Посол СССР в США т. Литвинов выступил в Нью-Йорке в клубе иностранных журналистов: «Мы хотели бы, чтобы все силы союзников были введены в действие…»

ТАСС разоблачает очередную ложь германского информационного бюро о том, что турецкий пароход «Чанхая» был якобы атакован советской подводной лодкой…

Хроника ТАСС мало говорит о положении на наших фронтах. После победы под Москвой наступило вроде бы предгрозовое затишье.

«Не делай этого, Дадли!»

Еще никто не знал, куда перегоняет Гитлер свои крейсера и линкоры, но англичане об этом уже догадывались. Гитлер недавно заявил, что Норвегия вскоре станет «зоной судьбы».

– Любой немецкий корабль, – сказал фюрер в ставке, – если он не находится сейчас в Норвегии, значит, он находится не там, где ему следует быть…

Центр морской войны в Европе недолго блуждал по зыбким водам – сейчас он быстро (подозрительно быстро!) перемещался в полярные районы, прямо к рубежам Советского Союза.

Теперь, когда с «Бисмарком» было покончено, Британское адмиралтейство трясло ознобом при одном лишь упоминании о другом линкоре Гитлера – «Тирпитце». Английский флот не мог быть спокоен, пока «Тирпитц» бродит по морям и океанам. История с «Бисмарком» воспитала в верхах Британского адмиралтейства страх перед гитлеровскими линкорами! Это и понятно: «Бисмарк» пошел на грунт, имея погреба пустыми, – он дрался до последнего снаряда, и бесподобная живучесть линкора наводила англичан на грустные размышления…

Разведка сбилась с ног, разыскивая теперь громаду «Тирпитца», который и был обнаружен англичанами на якорной стоянке в Аас-фьорде близ Тронхейма – на самом краю Европы, возле берегов СССР. Попытки бомбить его с воздуха оказались безрезультатными, а с воды «Тирпитц» был окружен сетями…

Из дальнейших событий почти незаметно, путем сцепления различных обстоятельств, с неумолимой последовательностью сложилась трагическая судьба каравана PQ-17.

…

«Не делай этого, Дадли!» – по-английски звучит так: «Don’t do it, Dudley!..»

Именно так в годы войны называли в Англии сэра Дадли Паунда, который в чине адмирала руководил главным штабом Британского адмиралтейства и был, таким образом, ближайшим соратником премьера У. Черчилля. Писать об этом как-то даже неприятно, но все-таки придется. Дело в том, что первый лорд Адмиралтейства Дадли Паунд был лодырь и… трус.

Я не стал бы сообщать здесь об этих его качествах, щадя самолюбие англичан, но сами же англичане говорили об этом, никого не таясь. Дадли Паунд жил по принципу «как бы чего не вышло», и потому-то сначала матросы, затем офицеры королевского флота, а потом уже и вся Англия окрестили его: «Не делай этого, Дадли!»

Над гаванями Бреста, где дымили корабли гитлеровского рейха, постоянно велся воздушный барраж. Англичане знали если не все, то почти все о перемещении вражеских кораблей, и в этом им отважно помогали герои французского Сопротивления.

Десятого февраля 1942 года, начиная с 9 часов вечера, англичане бомбили Брест и его гавани. Потом самолеты улетели домой через «канаву» Ла-Манша. Оставленный в небе разведчик недолго крутился над Брестом: неисправность в радаре заставила его вернуться на аэродром. Какое-то время гавань Бреста осталась вне наблюдения английской разведки.

И тогда она, эта гавань, стала наполняться дымом.

Немцы ставили густую дымзавесу, скоро темное облако нависло надо всем Брестом, заслоняя с воздуха ковши гаваней. А за час до полуночи под командованием вице-адмирала Цилиакса гитлеровские крейсера и линкоры пошли на прорыв… После их ухода, когда дым относило ветром, химслужба зажигала новые шашки. А потому, когда британский разведчик прилетел снова, то за плотной стенкой дыма он не мог разглядеть, стоят ли там корабли, и тревога в Англии объявлена не была.

Между тем германские корабли шли на максимальных оборотах. Лишь на следующий день, в 11 часов утра, на траверзе Соммы британский разведчик с неба случайно обнаружил гитлеровскую эскадру. По радио он тут же известил об этом Лондон, а Лондон не поверил, что немцы способны на проведение такой дерзкой операции.

«Не делай этого, Дадли!» узнал обо всем после полудня. Он узнал о прорыве линкоров, когда немецкая эскадра уже прошла самую узость проливов, между Кале и Дувром, и лишь тогда соблаговолили объявить по флоту тревогу. Вот, кажется, настал выгодный момент бросить на немецкие корабли все силы Home Fleet’а и покончить с ними одним крепким ударом…

«Не делай этого, Дадли!» – наверное, сказал себе Дадли.

Но были причины более веские, почему Дадли не сделал того, что обязан был сделать. Вот что пишет западногерманский историк Фр. Руге, в прошлом адмирал гитлеровского флота:

«Хотя это предприятие привлекло к себе большое внимание… оно означало тем не менее окончательный отказ от океанской войны и облегчило (!) положение британского флота в особенно тяжелое для него время».

Наверное, именно потому-то «морской лев» сладко вздремнул, когда германская эскадра прошла под самым носом его, не боясь потрогать этого «льва» за кончики усов. Правда, с большим опозданием англичане бросили против эскадры торпедоносцы, катера и эсминцы, но все их храбрые атаки закончились впустую, и можно считать, что Гитлер провел свои корабли беспрепятственно… Гросс-

адмирал Редер и его штаб записали в актив себе «тактический успех», а над Англией пронеслась волна негодования; даже консервативная «Таймс» с большим неудовольствием пробурчала, что «начиная с XVII века во внутренних водах Англии еще не случалось ничего более позорного для морской гордости англичан».

Честная трудовая Англия в каске и с противогазом через плечо была возмущена. Эта Англия спрашивала тогда:

– Почему? Почему дали немцам прорваться?..

На самом же деле все ясно: из Северного моря путь гитлеровского флота лежал в Скандинавию, а оттуда – через гавани Тронхейма и Нарвика – они, эти корабли, направляли свои жерла против русских коммуникаций в океане. Именно поэтому Черчилль, выступая в парламенте, откровенно тогда заявил, что он «с величайшим облегчением приветствует уход германских кораблей из Бреста».

Это был сознательный тактический проигрыш Уайт-холла ради призрачных политических целей!

Правда, угроза для Англии продолжала существовать. Но она была отведена от берегов самой Англии. Теперь угроза направлена прямо против русских. И если англичане встретят корабли большого флота Германии, то эта встреча может состояться уже в русских водах… Тут уместен вопрос: стараясь перехитрить очень хитрого противника, не перехитрили ли англичане самих себя?

Советский посол в Англии Иван Михайлович Майский (ныне академик) в те дни очень часто встречался с Черчиллем.

Черчилль ему говорил тогда:

– Врага надо обманывать всегда. Можно иногда обмануть и широкую публику для ее же пользы. Но никогда нельзя обманывать союзника…

Это были только слова. Черчилль обманывал.

– Don’t do it, Dudley!

И пошли караваны

Скапа-Флоу – «собственная спальня» флота его величества, хотя в этой «спальне» уже побывала германская лодка «U-47», взорвав дремлющий на рейде линкор «Королевский дуб». Впрочем, сейчас тут спокойно… За сетями минированных бонов, за извечным недосыпом брандвахты, за частоколами свай, заколоченные в грунт, отстаиваются корабли Home Fleet'a. Здесь живет, красит борта, грузит торпеды, отсиживает сроки в карцерах, ремонтируется и колобродит «домашний флот» короля – флот метрополии, флот открытого моря, под килями которого дно в Скапа-Флоу выстлано на два фута пустыми консервными банками.

Иногда в гаванях режут слух горны. На палубах в четких каре, белея гетрами, строятся отряды морской пехоты. Равняясь побортно, корабли поют хвалу тем, кто водит их в океан. Там, в кабинетах мрачного Уайт-холла, сидят стратеги и политики, которых флот не знает. А этих он знает по именам: Товей… Фрейзер… Хамильтон! Сухощавые люди без возраста, с лицами цвета кирпича, мундиры их мешковаты, манеры резкие – эти адмиралы водят конвои далеко, вплоть до берегов СССР, где вода закипает в откатниках орудий, где она смерзается на броне палуб крейсеров в глыбы серого пузырчатого льда.

А по воскресным дням в Скапа-Флоу от молов и пирсов идут на берег, отчаянно галдя, многотысячные толпы матросов. Трепещут на ветру черные траурные ленты, завязанные флотом Англии один раз и уже навсегда – в день гибели Нельсона. Кабаки и бары мгновенно рассасывают матросов, и толпа вчерашних докеров, клерков, слесарей, кондитеров и шахтеров – эта толпа, шагающая враскачку, быстро редеет. Теперь они до утра будут шуметь здесь, в своей «спальне», как дома.

Голые акробатки на эстрадах сгибаются в дугу, их животы, перетянутые ленточками, блестят от пота. Потертый конферансье отпускает сальности в микрофон столь серьезно, будто в церкви читает требник. Потом из-за ширмы выпорхнет певица с запудренным синяком под глазом:

Плыви, плыви, мой караван,

В далекий путь – за океан…

Последний раз играет джаз,

Последний раз пою для вас…

Кстати, вся эта история с караванами началась недавно.

…

Двадцать второго июня 1941 года Англия издала вздох облегчения…

«Для многих англичан, – писал Ральф Паркер, – война за одну ночь 22 июня сразу отодвинулась куда-то далеко. Бомбардировки английских городов прекратились. Возвращались эвакуированные, и в это лето Лондон, заполненный английскими и колониальными войсками, веселился почти беззаботно, отдыхая после напряжения прошлой зимы. И все это потому, что Россия приняла на себя основной удар…»

Многие из англичан не сомневались тогда, что Гитлер победит. Однако русские выдержали первое, самое тяжкое, испытание «блицем». Тогда же (почти с первых дней войны) и возник вопрос об открытии второго фронта в Европе!

Первым прорвался в СССР полярным маршрутом Гарри Гопкинс, один из близких друзей Рузвельта, понимавший необходимость дружбы американского и советского народов. Мужественный и решительный американец, он на «каталине» пролетел вокруг Скандинавии в Архангельск, откуда быстро добрался до Москвы, где имел две беседы со Сталиным; содержание этих важных бесед Гопкинс тут же сообщил своему президенту. Закон о ленд-лизе, введенный США ранее только для Англии, Рузвельт распространил вскоре и на СССР, – цепь взаимопомощи в борьбе Объединенных Наций против фашизма, таким образом, замкнулась!

Путь караванов в Россию лежал, как и в первую мировую войну, через арктические воды. Путь опасный, но самый короткий и уже проверенный. Трансиранский маршрут был надежнее, зато гораздо длиннее, а несовершенство

дорог в Иране надолго задерживало доставку грузов. Существовал еще третий путь – через Владивосток, но было почти невозможно «перекатить» грузы через всю Сибирь до фронта, и сам этот путь вскоре закрылся (Япония вступила в войну с США).

В декабре 1941 года арктическим путем прошел в Мурманск британский крейсер «Кент», секретно доставив министра иностранных дел Идена, который выехал в СССР для дипломатических переговоров. Как раз на пути «Кента» в 1916 году загадочно погиб английский крейсер «Хэмпшир», на борту которого плыл в Россию лорд Китченер. С Иденом же ничего не случилось: с палубы корабля он пересел в бронированный дипсалон Кировской железной дороги.

Британский министр посетил освобожденный от оккупантов город Клин, где в музее Чайковского наблюдал следы вандализма гитлеровцев. Иден заметил тогда:

– Все это ждало бы и Англию, если бы немцы высадились на наших островах… Это настоящие подонки человечества!

Поездка на фронт укрепила в Идене уверенность в несокрушимости Красной Армии, и при отъезде он заявил:

– Теперь я собственными глазами видел, что немецкая армия может терпеть поражения, отступать и бежать… Миф о германской непобедимости взорван вами!

Тем же морским путем – от Мурманска до Скапа-Флоу – Иден благополучно вернулся на родину, и хотелось верить, что этот путь в СССР почти безопасен. Гораздо рискованнее показалась англичанам операция по возвращению на крейсере «Адвенчур» делегации ВЦСПС, гостившей в Англии. Дело в том, что число советских делегатов было 13, среди них две женщины, к тому же выход в море пришелся на черную пятницу. Как бы подтверждая все эти дурные приметы, из тумана вывернулся бродяга танкер и своим носом рассек борт «Адвенчура». Однако просвещенные мореплаватели не растерялись. Англичане спасли положение тем, что к тринадцати делегатам подсадили четырнадцатого (совсем не делегата), и тогда все опять пошло как по маслу…

Казалось, караваны будут идти и идти! Первый караван назывался «Дервиш»; под литерами PQ-00[2 - Литерация караванов буквами PQ (пэ ку, пэ кью) объясняется тем, что в Англии оперативным планированием конвоев в СССР ведал офицер флота P. Q. Edwards; от его инициалов Британское адмиралтейство и взяло название для караванов, идущих к русским берегам через арктические воды.] он пришел к нам в августе 1941 года – вскоре после визита Г. Гопкинса в Москву.

…

А над судоверфями Кёльна, Готенхафена (Гдыня) и в базах Киля – сплошной лязг и грохот; рабочие давно на казарменном положении. Идет небывалое по размаху строительство подводного флота. Дениц желал превратить войну из-под воды в решающий фактор победы. Помогал ему в этой гонке автомобильный эксперт Меркер, в жизни своей моря не видевший. Но зато Меркер осуществил на практике поточный метод: подлодки собирали на верфях, как автомашины, – посекционно, отсек к отсеку. Широко применялась электросварка, и каждые три дня стапеля Германии сбрасывали в море по две новые субмарины. Подводников пугал теперь при погружениях страшный треск сваренных корпусов, чего не знали на лодках при заклепочной системе.

Флот Германии настойчиво уходил под воду – уже не хватало кадров для замены погибших, для комплектации новых экипажей. Тенденция заполнить все коммуникации мира «волчьими стаями» заразила и Гитлера; сейчас фюрер носился с идеей создания подводных транспортов и танкеров. Его подстегивал пример японских подлодок, которые, прорывая блокаду, приходили в Германию с грузом олова и хинина, а в Японию увозили секретную диппочту и новейшее немецкое радиооборудование…

Весной 1942 года, оправясь после поражения под Москвой, Гитлер развернул новое наступление на советском фронте. Наши войска были сброшены с Керченского полуострова, мы потерпели тяжкое поражение под Харьковом, где врагу удалось окружить нашу армию, враг шел через задонские выжженные степи на Кавказ, на Сталинград.

– Или мы закончим войну в этом году, – утверждал Гитлер, – или ее будут кончать за нас другие…

Стихии мира были поделены при нацизме: земля – Гитлеру, воздух – Герингу, а вода – Редеру. Гитлер был недоволен своим флотом, особенно надводным (он считал линкоры «дорогими игрушками»). С позиций ефрейтора он оскорбительно третировал надводный флот и его командование. Гросс-адмирал Эрих Редер не раз выслушивал обидные упреки.

– Мне осталось одно! – кричал на него Гитлер. – Все ваши хваленые линкоры и крейсера переплавить в мартенах ради драгоценного металла. Вы угробили мне «Бисмарк», так берегите же, словно глаз свой, хотя бы «Тирпитц»! Я уже изнемогаю от ваших дорогостоящих акций, которые всегда бесполезны…

Теперь, когда Гитлер развертывал новое наступление на Восточном фронте, в Берлине обратили особое внимание на полярные конвои. Союзная артерия ленд-лиза тянулась через Атлантику до причалов Архангельска. Прервать эту артерию, лишить советский народ связи с союзниками, обескровить русских в полной изоляции – такая задача встала в 1942 году перед большим флотом Германии. И этот флот был решительно отодвинут Редером на самые крайние рубежи – к берегам СССР…

На Тронхейме базировался флагман «Тирпитц». Несли в Нарвике вахту «Шарнхорст», «Адмирал Шеер» и «Лютцов». Рыскали во мраке полярной ночи шакалы первого ранга – «Кельн» и «Нюрнберг». Число новейших миноносцев было увеличено до 20. Свора подводных лодок блуждала у границ пакового льда, а 428 самолетов прочесывали русские полярные небеса… Армада!

Эрих Редер знал, какой панический страх испытывают англичане при появлении «Тирпитца». И адмирал умел использовать этот страх как главный козырь в той отчаянной игре, которую вел с флотами противников и в борьбе с самим фюрером… Редер понимал: случись хоть одна неудача с «Тирпитцем», получи он хоть одну пробоину, и тогда Гитлер действительно поставит флот открытого моря на консервацию, а на смену Редеру, естественно, придет Дениц…

Пятого марта 1942 года немецкий самолет случайно обнаружил в океане караван PQ-12, идущий в Россию, а на следующий день Редер отдал приказ, выстраданный им в ночной бессоннице: ««Тирпитцу» выйти в море на перехват

каравана PQ-12. Сопровождать его эсминцам под общим командованием Цилиакса… С конвоями, идущими в Россию, следует кончать в этом году!»

К этому времени поведение Гитлера определялось двумя факторами, которые почти несовместимы: желая победить противника, нацистские моряки еще больше желали смыться от противника, если он был хоть немного сильнее.

В углах треугольника

Заранее в Норвегию поступало много горючего из Германии для «Тирпитца» и его эскадры. Корабли пожирали топливо с такой быстротой и в таких дозах, что становилось страшно за весь «тысячелетний рейх».

Сейчас они, стоя на рейдах, лишь слегка закусывали, а что будет, когда в море их желудки-котлы разовьют чудовищный, неистребимый аппетит?

И вот они тронулись…

Три эсминца сопровождения заливало волной до мостиков, ветер сбивал с антенн соленые хрупкие сосульки. Над узким носом «Тирпитца» постоянно нависало белое облако пушистой пены. В отсеках линкора – спертая духота, синий маскировочный свет, как в покойницких. Подвахту качало в гамачных сетках, по трубам отопления, сипло клокоча на изгибах, рвался раскаленный пар. Им еще ничего, а вот эсминцы вице-адмирала Цилиакса треплет так, что на них страшно смотреть.

А в кают-компании «Тирпитца» на широких круглых столах уютно поскрипывают приборы для офицерских тарелок, на дне которых плещется янтарный жир норвежского супа. Свежий номер «Марине рундшау» переходит из рук в руки. Любопытно, что этот официоз немецкой военно-морской мысли сейчас заговорил внятно и убедительно… «Все силы флота Германии, – призывал журнал, – на завоевание полярных коммуникаций!»

Вот туда и шел сейчас «Тирпитц», чтобы вдрызг разнести корабли союзного конвоя PQ-12.

…

Конвой PQ-12 был сформирован в Лох-Ю (Шотландия), откуда он и вышел 23 февраля, имея два корабля в ордере под флагами СССР. 14 транспортов шли в охранении крейсеров, а в океане – в полной готовности – блуждал флот метрополии под брейд-вымпелом опытного адмирала Джона Товея…

Среди ночи Редера вызвал вдруг к телефону Гитлер.

– Адмирал, – испуганно спросил он, – а не случится ли так, что наш «Тирпитц» напорется в океане на англичан, у которых в запасе окажется хорошенький авианосец?

– Да, мой фюрер. Силы прикрытия англичан, помимо трех линейных кораблей, могут иметь и авианосец…

– Тогда, – вмешался Гитлер, – разрешаю нашим кораблям вступать в соприкосновение для боя только в том случае, если прежде вам удастся ликвидировать этот авианосец.

– Мой фюрер, – отвечал Редер, – вы не учли морального фактора. Одно лишь известие о выходе «Тирпитца» сломает всем англичанам шею… Вы увидите, как это будет ловко!

– Посмотрим, – неуверенно хмыкнул Гитлер…

Воздушная разведка немцев засекла PQ-12 еще на подходе кораблей к вулканическому острову Ян-Майену, что одиноко и печально стынет, нелюдим, в океане. Именно туда, на перехват каравана, и стремился сейчас «Тирпитц». Поразив конвой PQ-12, гитлеровцы рассчитывали иметь двойной успех, ибо потеря союзных кораблей отражалась и на Англии, и на СССР…

Шторм усиливался. С неба косо летел дождь пополам со снегом. Метеосводки были отчаянно безнадежны. Днем 6 марта британская подлодка «Сивулф», которая базировалась на советских базах, держала свою позицию как раз

невдалеке от Тромсе. Пронзительный вой сирены внутри ее отсеков разбросал матросов, как резиновые мячики, к приборам, к маховикам, к манипуляторам.

Рыжебородый командир поднял перископ, его худое, изможденное лицо свела судорога страшного напряжения:

– Я вижу черного кота на крыше, он чешет спинку о трубу!

Это значило, что сейчас он ничего не видит. Но с «асдика» акустики исправно подавали все данные – и пеленг, и курс, и скорость противника. Значит, кто-то ползет сейчас рядом.

– Продвинемся… на двух моторах! – решил командир лодки.

Скоро из баламути океана выступили борта кораблей, прошедших столь близко, что пробитая заклепками сталь заполнила весь объектив перископа. Это было ужасно…

– Ныряй! – Командир вытер с лица холодный пот. – Нам, – сказал он на спасительной глубине, – предстоит сообщить сенсацию на Скапа-Флоу, иногда невредно попугать нашего Дадли!

Выждав прохождение эскадры, «Сивулф» всплыла и дала сообщение на базу, что «Тирпитц» вышел в океан. Корабли PQ-12 сразу же получили приказ из Лондона – изменить генеральный курс. «Тирпитц» между тем, поглощая тонны горючего и смазочных масел, продолжал резать слякоть и волны. Все его гидро- и радиощупальца находились в движении, как пальцы рук слепца. Однако он ничего не ощущал перед собой – ни одного корабля противника. Гидролокаторы «нибелунги», отчаянно пища, прозванивали под килем океан до самого грунта; нет ли угрозы оттуда, из этих глубин, что сдавлены мраком и холодом?..

Офицеры линкора давно побросали журналы «Марине рундшау» – теперь они были сильно озабочены другим:

– Летчики Геринга дурно воспитаны, они взяли за правило обманывать флот… Где же он, этот PQ-12?

– Да, герр капитан-цур-зее, я только что спустился из локаторного гнезда. На экранах – ни одной блохи в океане!

Нет, океан не был пустынен, хотя встреча противников и не состоялась. Морские специалисты позже проанализировали:

«В шторм и туман противники разминулись, хотя 8 марта обе боевые группы и конвой находились одно время в углах равностороннего треугольника, стороны которого имели в длину всего 80 миль…»

Проще говоря, и «Тирпитц», и союзный конвой слепцами прошли рядом, влажно и жарко дыша в лицо друг другу жерлами своих орудий и аппаратов. Но «Тирпитц» не один: у него есть ловкие поводыри, в данном случае – эсминцы Цилиакса.

– Ищите, – приказал им Цилиакс, и они, как послушные псы, сорвались в разные стороны, чтобы найти себе жертву…

Вот их имена: «Фриц Ин», «Герман Шенман» и «Z-25».

…

Советский лесовоз «Ижора», груженный досками в Архангельске, производя ремонт в машине, отстал от обратного конвоя QP-8[3 - Караваны, идущие из СССР, именовались в обратном порядке – не PQ, а QP.], который уже семь дней пробирался из СССР в Англию. Лесовоз – скромный труженик, неказистый и старательный, каких немало блуждает по морям. В его холодной кают-компании над столом, что накрыт кухонной клеенкой, висел еще довоенный плакат: «Все на борьбу за сокращение сроков стоянки! Дадим стране самые высокие показатели труда!»

Вот эта «Ижора» имела несчастье напороться в океане прямо на «Тирпитц» – флагмана всего гитлеровского флота. Цилиакс обратился к командиру линкора с просьбой:

– Капитан-цур-зее, не откажите в любезности дать один залп из главного калибра по этим бревнам.

На что получил презрительный ответ Топпа:

– Вам известно, во что обходится Германии один бортовой залп моего «Тирпитца»? Мы же стреляем чистым золотом…

Столь драгоценный верзила не пожелал связываться с робким лесовозом, а поручил это дело миноносцам. Мы не знаем, что именно переживали советские люди на борту «Ижоры», когда увидели, что беспощадный противник уже выходит на дистанцию залпа… Во всяком случае, верно одно: они не спустили флага, хотя надеяться на снисхождение врага им никак не приходилось.

Цилиакс вел переговоры с эсминцами через радиофон:

– Подойдите к нему ближе, начинайте прямой наводкой… Снарядов десять, я думаю, вполне хватит для такого корыта!

Выпустили десять, двадцать, тридцать… «Ижора», которую рвали снарядами в куски, не тонула.

Вдруг истошный вопль раздался в наушниках Цилиакса:

– Русские начали радиопередачу… кодом!

Дело принимало дурной оборот. Но тут во всю свою мощь заработали на «Тирпитце» глушительные установки. «Бум-бум-бум, – раздавалось в эфире, – ур-рл… ур-р-рл… ур-р-р-рл… бум-бум!» Сильными помехами немцы забивали сигналы советского корабля.

– Рассадите им радиорубку! – командовал Цилиакс.

Флот британской метрополии уловил трепетные сигналы. Адмирал Товей, державший флаг на линкоре «Кинг Георг V», принял с вахты свежую квитанцию. Он был удивлен:

– Их топят, но… где же координаты этой «Ижоры»?

– Радист оборвал передачу. Видимо, убит за ключом, сэр…

Прошло полчаса. «Ижора» не тонула. Орудийные площадки эсминцев вдруг замолчали, словно в недоумении.

– Продолжайте, – велел им Цилиакс.

«Фриц Ин», «Герман Шенман» и «Z-25» снова открыли огонь. Элеваторы таскали и таскали к орудиям свежие снаряды, но вдребезги разбитая «Ижора» не сдавалась. Наконец обессиленный Цилиакс понял, что эта бесподобная живучесть корабля вызвана наличием на нем нетонущего груза.

– Все дело в том, – заметил при этом Топп, – что у русских повышенный коэффициент прочности. Их изделия неказисты на вид, но зато они подвержены разрушению на самых высоких нормах международных стандартов… Увы, этот лесовоз превосходит все нормы!

Цилиакс, уже взбешенный, распорядился на эсминцы:

– Пожалейте свои погреба… Если не взять снарядами, так черт уж с ним, разоритесь на две торпеды!

Начался красивый и точный заход «Фрица Ина» в атаку на неподвижную цель. Дело простое – как на полигоне. Но красотой все и закончилось. Две торпеды выстелили свои следы мимо заколдованной «Ижоры». Командир «Тирпитца» кривил в усмешке губы:

– Кажется, этот русский пароход, весь в дырках, обойдется Германии намного дороже одного моего бортового залпа…

Цилиакс через радиофон велел эсминцам подойти к нему.

– Я хочу видеть краску стыда на ваших лицах! – сказал адмирал командирам.

Возле борта флагмана закачались, черпая воду низкими палубами, три неудачника-эсминца. А еще дальше дымила «Ижора» со своими архангельскими досками.

Цилиакс выждал, когда притихнет рев вентиляторов.

– Где ваша доблесть! – заорал он. – Неужели вы не способны разломать даже этот плавающий сарай?

С мостика «Z-25» гаркнул в рупор молодой командир:

– Мы не виноваты, что сарай не горит и не тонет.

– Вы дождетесь, что он еще и вас потопит, – ответил Цилиакс.

«Фриц Ин», описав циркуляцию, вдруг поднял сигнал, чтобы все перед ним расступились и не мешали. На полной скорости, выбрасывая из труб пламя и копоть, он пошел прямо на «Ижору». Сближение росло стремительно: «Фриц Ин» целился курсом так, чтобы пройти впритирку с бортом русского лесовоза. Рискованный маневр, но он удался противнику…

Когда борта кораблей поравнялись, с эсминца сбросили за корму серию глубинных бомб, поставленных на кратчайшую дистанцию взрыва. Эти бомбы, едва коснувшись воды, сработали. Мощные взрывы, убивающие подлодки насмерть, ударили «Ижору» под самое ее днище, почти выталкивая корабль из моря, и только тогда лесовоз затонул…

Помните, люди, эту «Ижору»!

…

В бесполезных поисках каравана PQ-12 эсминцы сопровождения сожгли все топливо, и с «Тирпитца» последовал приказ отойти для заправки нефтецистерн на Тромсе. Линкор, уже покрытый панцирем льда, двигался теперь в одиночку – как рейдер (согласно излюбленной теории гросс-адмирала Редера). Немецкие

офицеры молчали, боясь ушей гестапо даже на мостике линкора. Но каждый из них понимал, что сейчас «Тирпитц» ступил на ту дорожку, на которой погиб «Бисмарк»…

Страх витал над колоссальными мачтами!

Страх следует расшифровать до конца: гитлеровцы боялись встречи с линкорами англичан ничуть не меньше, чем англичане боялись немецких линкоров. А потому, лишь только радиоперехват обнаружил в море не транспорт, а британскую эскадру, «Тирпитц» сразу же отвернул обратно, чтобы не связываться с «большими дядьками» из Home Fleet’a. Белое облако воды, взбитой от скорости в пену, теперь дробилось под форштевнем в мельчайшую сетку водяной пыли.

Спешили…

Но 12 британских «альбакоров», поднятых с палубы авианосца «Викториуз», возле Лофотенских островов все же настигли противника. Каждый самолет нес под крыльями по две торпеды. Рядовые труженики войны в этом случае оказались намного смелее своего высшего командования. Ведущий покачал крыльями, чтобы ведомые обратили внимание на его действия, и швырнул свою машину в атаку, прямо на «Тирпитц» – прямо в… ошибочную (!) атаку: заходя на линкор с кормы, против ветра. Ведомые исполнительно и точно повторили ошибку своего ведущего.

Огонь немецкого флагмана был страшен. 84 зенитки линкора, казалось, в мгновение ока выстроили в небе непрошибаемую стенку огня и стали. Британские торпедоносцы рушились в море, рубя волны плоскостями, море рвало их фюзеляжи, вскрывая кабины, из которых людей, как ошметки, выбрасывало прочь при взрывах. Надо отдать должное мужеству британских экипажей: ни один из них не отвернул – каждый сбросил свой груз у цели.

Но… все 24 торпеды прошли мимо «Тирпитца»!

Английские историки признают, что экипажи «альбакоров» имели очень много мужества, но очень мало боевой подготовки…

В самый разгар атаки на ходовом мостике линкора возник неприличный инцидент. Вице-адмирал Цилиакс велел «на руль к повороту», чтобы укрыть «Тирпитц» в гавани. Но капитан-цур-зее Топп вырвал штурвал из рук рулевого, ставя его обратно.

– Я имею приказ фюрера: не рисковать!

– А я исполняю приказ гросс-адмирала Редера: рискнуть!

Да, Берлин очень дорожил своим «Тирпитцем» – Гитлер берег его, как зеницу ока. Не дай-то Бог, если кто сглазит…

Операция закончилась ничем: «Тирпитц» укрылся в фиордах Норвегии, а Джон Товей привел свою эскадру в Скапа-Флоу. Используя паузу в боевых действиях, немцы быстро и решительно перебазировали в Тронхейм и тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер».

Германская эскадра на Севере снова усилилась. В это время лондонские газеты справедливо писали: «Битва за Арктику началась. В ближайшие недели она может стать даже более важной, нежели битва за Атлантику». Это правда: на коммуникациях к Мурманску сам собой завязался исключительно сложный стратегический узел!

…

Против флота Германии стоял героический Северный флот.

Флот совсем небольшой. По сравнению с британским он был просто незначительным…

Там, на аспидных скалах (которые зимой в снегу, а по веснам их забрызгивает полярная сирень и черемуха), там жили и воевали удивительные люди. Они уходили от этих родных скал в море Баренцево. Прямо в Ледовитый океан! Прямо в необъятный… Очень много этих людей ушло и больше не вернулось.

Мы уже не встретим их на нашей зеленой земле.

В синем море мы их тоже не повстречаем.

Но для нас они живы в каждой капле океанской воды.

Мы слышим их голоса в порывах океанского ветра.

Совместная работа

Советские эсминцы типа «семерка» – прекрасные корабли с отличными боевыми качествами. Они были вооружены по принципу «кашу маслом не испортишь», иностранные справочники иногда относили их к классу легких крейсеров. Артиллерийская автоматика наводки «Б-13» вызывала законное восхищение у наших союзников. Огневая мощь «семерок» была намного выше, чем на союзных эсминцах. Но эти корабли, построенные для внутренних морей СССР, плохо выдерживали океанскую волну, которая часто ломала шпангоуты, мяла борта, от груза обледенения проседали их палубы. Впрочем, к чести наших моряков, они в любую заваруху выводили свои эсминцы без боязни. Война изменила нормы требований живучести, а так называемый «запас прочности» вполне удовлетворял наших миноносников. Для большей остойчивости днища «семерок» были обложены слоем обыкновенных печных кирпичей, и эти кирпичи выводили наши эсминцы из гибельных критических кренов…

Шторм и сегодня заливал палубы. От ветра и скорости антенны выгибало в дугу. Их было три – «Гремящий», «Сокрушительный» и британский «Ориби», три союзных эсминца 28 марта вышли для встречи каравана на PQ-13.

На наших кораблях вахта наружных постов была одета в ватники и полушубки; комендоры возле пушек стояли в валенках, поверх которых краснели большие галоши. В рацион команд для обогрева входила и водка – в «наркомовских» дозах. Британские экипажи одевались хуже: матрос натягивал на себя 5-6 комплектов теплого белья, столько же пар носков, а сверху реглан, который на морозе ломался по сгибам, как ржавая жесть. Чтобы подкрепить силы команды, на камбузе «Ориби» выпекали особо калорийные пудинги – из муки, мяса и

почек. Обычный грог англичане считали негодным для таких собачьих условий, и матросам выдавался крепчайший ром…

Шли хорошо. За приседающими на разворотах кормами эсминцев бились высокие буруны, словно глыбы сверкающего расплавленного фосфора.

Конвой возглавлял британский крейсер «Тринидад», который сообщил на корабли подкрепления, что им перехвачено немецкое радио: где-то поблизости рыскают германские эсминцы «Z-24», «Z-25» и «Z-26», но увидать их невозможно в этой свистопляске, когда один снежный шквал следует за другим.

Впрочем, на «семерках» уже знали о присутствии в океане германских миноносцев, об этом их оповестила еще на выходе из Ваенги воздушная разведка флота. Караван – до встречи его с североморцами – уже имел потери: из 19 транспортов 4 были потоплены с воздуха, один взорван подлодкой; погиб и конвойный тральщик «Сулла». Теперь на подходах к Кильдину следовало ожидать нападения врага. Здесь, вблизи Кольского залива, когда до Мурманска уже считанные мили, немцы всегда прилагают бешеные усилия для своих последних атак…

Советские эсминцы заняли место в конвойном ордере. «Сокрушительный» (под брейд-вымпелом комдива-1 П. И. Колчина) вышел на левый траверз конвоя, «Гремящий» вступил в охранение на правом, «Ориби» переместился в замыкающие конвой. В отдалении море трепало союзные эсминцы «Фьюри» и «Эклипс»…

Антон Иосифович Гурин, командир «Гремящего», в потемках мостика вырвал из зажима микрофон трансляции:

– Внимание, внимание… Мы вступили в охранение. Будьте бдительны на вахте. Лишних передвижений по палубе не производить. Поздравляю всех с началом операции…

Ночь как ночь. Вахта как вахта. Ничего особенного.

Ночные визиры на крыльях мостиков чутко проглядывали ненастье и мрак. Время от времени с «Гремящего» видели, как стремительная тень «Тринидада» неслась, прижатая к воде, пропадая опять в небывалой ярости воды и снега.

Гурин велел осмотреться по отсекам, и доклад был малоутешителен: вода, которая появляется непонятно откуда, уже гуляет по кубрикам…

– Нам не привыкать, – сказал на это Гурин.

С высоты мостика виден остроконечный полубак эсминца, и два орудия то глядятся в пропасть между волн, то их взметывает кверху – и тогда они целятся в низкие тучи. Потоки воды летят через людей даже на ходовом мостике. Люди освоились. Пригляделись к мраку. Внизу, на полубаке, поверх мерцающего льда, копошатся фигуры людей. С ломиком в руках вышел боцман: еще раз проверить крышки клюзов, заглушки вентиляции. За боцманом тащится длинный трос, привязанный к полубаку.

– Осторожный у нас мичман, – смеются на мостике. – Словно акробат в цирке… лонжей страхуется!

Впрочем, и все сколько бы ни смеялись, а без троса на полубак не сунутся. Спасенных тут нет! Еще не было человека, которого бы удалось спасти, если его смоет море. Здесь тебе не Сочи, тут тебе не Ницца… Опомниться не успеешь, даже не вскрикнешь, как тебя уже не стало. И мимо пройдет корабль, внешне почти равнодушный к твоей пропащей судьбе…

С мостика Гурин следит, как боцман укрывается под срезом полубака.

– Сигнальщики! Внимательней смотреть!

– Есть – смотрим…

…

После неудачного выхода «Тирпитца» состоялась конференция командования германским флотом, в работе которой принял участие и Гитлер… На фразу гросс-адмирала Редера: «У англичан нет повода для восторгов» – фюрер выкрикнул:

– У меня тоже нет повода к восторгам! Довольно-таки стыдно ограничить победу линкора одним русским лесовозом, стоимость которого гораздо ниже стоимости истраченного эскадрой топлива!

Гитлер на листке из блокнота начертал магическую цифру истраченных тонн нефти – 8100 и передвинул листок Герингу, которого просто колотило от бешенства, когда речь заходила о флоте… Геринг и сейчас задохнулся от гнева.

– Обжоры! – сказал он морякам. – Еще один такой выход «Тирпитца» в море – и моя авиация останется без горючего.

Гитлер далее говорил о форсировании строительства сверхмощного авианосца «Граф Цеппелин»[4 - Этот авианосец Гитлера не был достроен из-за нехватки стали.]. Район действия авиации, базирующейся на береговых аэродромах, фюрера уже не удовлетворял. Гитлер мечтал иметь палубную авиацию, чтобы расширить сферу ее пиратских полетов от Нордкапа до Шпицбергена… Редер сомневался: Германия способна построить авианосец любых размеров, но Германия никогда не сможет обеспечить его опытным экипажем, ибо это дело для немцев новое, незнакомое… «Разделение стихий» между боссами фашизма не располагало их к единодушию, и вражда Геринга к заправилам германского флота была хорошо известна.

– Все то, что летает, это мое! – внушительно заметил Геринг, грозя Редеру своим толстым пальцем…

Конференция приняла решение об активизации борьбы с северными конвоями. Было оговорено, что караваны следует подвергать «обработке» из-под воды и с воздуха, начиная от берегов Исландии до самого Кильдинского плеса вблизи Мурманска. Пока все надежды Гитлера строились на блицкриге, он пропускал караваны в Россию почти беспрепятственно…

– До сих пор вы только торчали там в русских воротах Арктики, – обругал конференцию Гитлер, – а надо было ломиться в эти ворота, пока они не слетят с гнилых русских петель!

Теперь для союзных моряков наступали трудные времена.

…

Тридцатого марта до 11.00 караван PQ-13 шел в неведении обстановки, слепо доверя свою судьбу кораблям союзного эскорта. Но в 11.27 три немецких миноносца, вырвавшись из сутолоки волн, пришли на дистанцию залпа. Одна из торпед взорвала борт «Тринидада» между трубой и мостиком. Подбитый крейсер открыл огонь. Эсминец «Z-26» был поражен им сразу и быстро ушел под воду.

Противник на выходе из атаки не стал подбирать тонущих, англичанам тоже было сейчас не до них…

Гурин принял радиограмму от комдива-1.

– Пчелин, – приказал рулевому, – разворачивай на…

И тут сигнальный старшина Фокеев доложил:

– Пять всплесков! «Сокрушительный» под обстрелом…

Над морем вдруг пронесло – в ряд! – горящие факелы. Это из труб миноносцев отлетали назад багровые сгустки пламени. «Z-24» и «Z-25» шли на полном ходу после атаки на «Тринидад», чтобы теперь поразить караван веерами торпедных залпов. «Сокрушительный» резко отвернул влево, давая залп всем бортом – сразу из четырех стволов. Жахнул по врагу и главный калибр «Гремящего». Со второго же залпа они накрыли противника.

– Попадание… в машину! – разом заголосили сигнальщики.

– Ясно вижу, – ответил Гурин, даже не тронув бинокль.

Эсминец врага запарил машиной, ускользая в заряде липкого снега. Третий корабль противника полыхнул яркой вспышкой огня и тоже побежал прочь, сбивая с надстроек зеленое пламя. «Семерки» не дали немцам прорваться к судам каравана.

– Ох и врезали! – радовались матросы. – Прямо в примус… аж кастрюлькой накрылись и побежали!

Бой был краток, как удар меча. За эти считанные мгновения, что насыщены ветром и скоростью, противник успел дать по советским эсминцам пять залпов. «Гремящий» и «Сокрушительный» ответили семью залпами. Видимость сократилась до трех кабельтовых – все вокруг серое, вязкое, сырое, промозглое. Вот из этой слякоти вырвался на пересечку нашего курса британский эсминец «Фьюри». Его ухающие, как филины, автоматические «пом-помы» развернулись на «Сокрушительный». К обоюдному счастью, на «Фьюри» быстро обнаружили свою ошибку, а огонь союзников оказался неточным (убитых и раненых у нас не было). Горячка англичан даже понятна: «Тринидад» торпедирован, а на «Эклипсе» противник снес за борт две пушки, покорежив снарядами рубки.

Теперь надо было выручать союзников, и Гурин поспешил на помощь британскому крейсеру. Это была печальная картина. Раненный торпедой «Тринидад» медленно двигался в неразберихе шторма с креном на левый борт. А рядом с ним, словно желая поддержать старшего собрата, рыскали верткие корветы. Из пробоины под мостиком «Тринидада» валил дым. Потом оттуда выметнуло язык оранжевого пламени.

– Котельный отсек залит, – прочел сигнальщик сообщение с «Тринидада», – имею на борту много раненых…

С борта «Сокрушительного» комдив-1 П. Колчин «писал» на «Гремящий», что получена шифровка из штаба: противник выставил на Кильдинском плесе пять подводных лодок. До Мурманска оставалось еще 150 миль. В 11.30 англичане ушли, ведя пораженный крейсер, и теперь весь караван встал под защиту только двух наших эсминцев. О том, чтобы спать или есть, уже не могло быть и речи. Все насущное происходило на мостике. Судьба каравана – это наша судьба: каждый такой транспорт – это десять железнодорожных эшелонов с оружием.

– А шторм усиливается, – обеспокоенно заметил Гурин своему помощнику Васильеву. – Александр Михайлович, будьте любезны, обойдите еще раз нижние палубы…

Крепчал и мороз, началось опасное обледенение. Многотонный груз льда, твердо закоченевший на полубаках, мог задержать эсминцы в губительном крене, и тогда корабли способны перевернуться.

– Людей – на обколку льда! – последовал приказ.

На подходе каравана к Кольскому заливу волны окончательно взбесились. Кстати, эти же волны и помогли сейчас «Гремящему». В глубокой распадине между высоких волн море вдруг обнажило рубку гитлеровской подлодки, словно показывая: «Вот она, смотрите скорей, сейчас опять я захлестну ее волной!»

– Бомбы – товсь! – И Гурин приказал «полный» в машины.

Васильев потянул рукоять – над океаном завыла сирена.

«Гремящий» пошел на таран…

Шторм не вовремя подбросил эсминец на гребень: «Гремящий» пронесло над подлодкой. Таран не удался! Но котельные машинисты и все те, кто нес вахту в низах, слышали, как днище корабля все же скрежетнуло килем по субмарине… Левая машина – вперед, правая машина – назад: разворот! – теперь глубинная атака…

Гурин мельком глянул на корму: по низкому юту свободно ходили волны, обмывая стеллажи бомб, заранее обколотых ото льда. Минеры уже сбрасывали цепи креплений. За этих людей было страшно сейчас: их могло смыть при атаке в любую секунду.

– Первая серия – пошла!

На крутом развороте полубак принял на себя лавину воды. И волна, взметнувшись, хлобыстнула по мостику, выбила в рубке ветровые стекла. Люди были сброшены с ног. Гурин заметил, что усатый рулевой Игорь Пчелин манипуляторов все же не выпустил.

– Молодец! – сказал командир, снова глянув на корму.

Нет, кажется, из минной команды никого не смыло, и теперь там, в бешенстве шторма, колотили глубину взрывы. На двадцать первой бомбе Гурин приказал «дробь атаке» – и стало тихо. Сигнальщики и комендоры выливали воду из карманов полушубков.

– Один взрыв, двадцать второй, был лишний, – доложил командиру его помощник Васильев.

– Лишний – не наш! – ответил Гурин. – Видать, на лодке разнесло к черту батареи, а это значит… Смотри!

На поверхности океана, глухо урча, лопались гигантские пузыри. Океан отвоевывал лодку для себя, вышибая напором воды остатки воздуха из ее душных отсеков. Сейчас там – на глубине – растворились во мраке жизни тех, кто пришел сюда, чтобы нести смерть другим. Вместе с воздухом море выбросило и какую-то сумку из парусины. Подцепить ее с борта «Гремящего» не удалось – она тут же опять затонула…

Телеграф на мостике отработал движение вперед. Пошли дальше. Напор волн при атаке был столь велик, что сорвало крышки клюзов, в кают-компании согнуло пиллерсы. Это обычная история – на «Гремящем» даже не удивлялись. Последний транспорт каравана уже втянулся в теснину Кольского залива. Два советских эсминца довели PQ-13 без потерь. Кажется, мы и дома, и не так страшен черт, как его малюют…

…

Корабли каравана разгружались в Мурманске. Раненые английские матросы поступили на излечение в госпиталь Северного флота. «Тринидад» дотащили до судоверфи, и мурманские корабелы теперь зашивали его пробоину. Это были настоящие добрые отношения, и тогда нам казалось, что такие отношения будут продолжаться всегда, как и положено среди друзей-союзников…

Волки бегут на север

Вожак всех «волчьих стай» с завидной роскошью проживал то в Париже, то в Лориане. Забота Деница о своих «волках» простиралась до того, что он лично встречал свои лодки, идущие с океана на базы. Он украшал подводников лаврами и крестами. В голодающей Европе подводники как сыр в масле катались. Дениц устраивал для них лукулловы пиры. Особо отличившиеся экипажи проводили свои отпуска в Ницце и в Монте-Карло. Дениц фамильярничал с подводниками, позволяя матросам называть себя «папой», командиров лодок Дениц знал по именам. Подводные лодки «встречали огромные толпы людей на пирсах с оркестрами, венками, микрофонами… Торжественная встреча записывалась на пленку и передавалась широковещательными радиостанциями в такой же шумной и выразительной форме, которую используют в наше время телевизионные комментаторы».

Порядок на базах Лориана был такой: если вернулись живы, адмирал давал 27 дней, из которых 9 – для работы, 9 – для разгула, 9 – для поездки домой. Лориан был не только базой подводников Гитлера – здесь фешенебельные бордели пропускали всех прибывающих с моря, чтобы в диком распутстве они стряхнули с себя все ужасы и кошмары похода. Англичане не раз бомбили Лориан, надеясь накрыть «волков» поближе к ночи, когда они разбредаются по притонам. Но предусмотрительный «папа» Дениц заранее вынес публичные дома из Лориана за черту города, а железобетонные навесы, под которыми стояли подводные лодки, как лошади в стойлах, фугаски не могли пробить…

Однако команде Ральфа Зеггерса пришлось распрощаться с веселым Лорианом – по вине самого Деница. Как всегда, отметив возвращение лодки пиршеством, адмирал сказал потом:

– Ральф, время родовых схваток на верфях кончилось, Германия скоро завалит океан своими лодками. А тебе предстоит прогуляться к берегам России. Сейчас я произвожу перестановку боевых сил, чтобы вмешаться в борьбу с конвоями в Арктике…

Зеггерсу очень не хотелось плавать у берегов СССР.

– У меня, – возразил он, – ослабел корпус. Появилась фильтрация, и при погружениях внутри лодки течет, как в душе.

– В каком отсеке? – спросил Дениц с улыбкой.

– Даже в центральном, – приврал Зеггерс.

– Ерунда, – утешил его Дениц. – На Тромсе у нас отличная база по ремонту – заклепки тебе подтянут на пневматике, и я верю: ты вернешься оттуда с рыцарским крестом.

Было ясно – не увильнуть, и тогда Зеггерс спросил:

– Мне подсадят гувернантку? Или пойду самостоятельно?

– Без гувернанток! – отрезал Дениц. – Стажироваться на район плавания уже некогда. Знакомиться с условиями будешь сразу на месте. И… не огорчайся: ты уходишь сегодня же!

По ступеням веранды они спустились в сад. Где-то вдалеке сонно ворчала Атлантика. Со стороны Лориана доносился гул: это множество компрессоров заряжали лодки воздухом высокого давления. Пышная акация белела в ночи… «Что сказать?»

– Мой адмирал, я согласен прыгнуть хоть в пропасть!

Дениц дружески отпихнул его от себя:

– Молодчага, Ральф! Вопросы у тебя есть?

– Есть. Скажите, там ли находится лодка Фрица Пройсса, с которым мы большие друзья?

– Пройсса уже нет, – поморщился Дениц.

– Он погиб за великую Германию?

– Пройсс – большая свинья. Ты никому не говори, Ральф, что дружил с этой скотиной… Пройсс сделал лишь один выход к берегам Новой Земли, а потом что-

то стряслось у них на лодке с гирокомпасом. «Аншютц» все время замыкало на корпус, гиросфера крутилась в глицерине, как яйцо в кипятке. Долго не могли понять, пока не дознались, что виноват твой приятель.

– Не может быть! – удивился Зеггерс. – Я знаю Пройсса…

– Ничего ты не знаешь, – отмахнулся Дениц. – На допросах в гестапо он сознался, что портил гирокомпас умышленно, чтобы не выходить в море… Ну! – И Дениц протянул руку. – Заклепки вам подожмут. Рыцарский крест за мной! Можешь заранее поднять над перископами грязную вонючую метлу – в знак того, что твоя лодка выметет русских из Баренцева моря…

На рассвете полярный океан покатил им волны навстречу. Комбинезоны, вязанные из белой шерсти, уже не спасали от холода. Давно ли, кажется, изнывали от жары, несли вахту в трусиках, словно дачники. А сколько было свежих яиц и апельсинов! Теперь же лодку покрывало инеем изнутри, голые скалы на берегу наводили уныние. Постели мокрые от конденсационной влаги, а одеяла на койках – хоть выжми… Ужасно, ужасно! В плохом настроении Зеггерс дал в Киль шифровку, что они дошли до Нарвика.

Здесь команде выдали особое полярное обмундирование и талоны розового цвета на посещение скромного дома терпимости. Дефицитные проститутки вблизи Арктики тоже выдавались по карточкам – вроде мармелада или маргарина. А перед выходом на позицию к пирсу подъехал грузовик снабжения:

– Эй, на лодке! Принимайте «пакеты спасения»…

«Пакеты спасения» выбрасывались, как торпеды, через аппараты. Это были мешки, заряженные воздухом, мазутом, щепками, обрывками берлинских газет и обыкновенным человеческим калом (самым свежайшим, отлично законсервированным). В случае, если русские начнут слишком нажимать, Зеггерс должен выстрелить таким пакетом, который, всплыв на поверхность, имитирует гибель подлодки. После чего – так подразумевалось – русские отстанут…

В тихую ночь, когда за поворотом каждого мыса мерещится всякая чертовщина, Ральф Зеггерс повел свою пиратскую субмарину в рискованный рейс. Опять потекло с переборок, электрогрелки мало помогали. Чулок фиорда кончился, и

вот уже первая волна шибанула подлодку в скулу, будто кулаком. Вторая – легко, словно играючи, влезла на палубу и диким зверем быстро добежала до самого мостика… Полный рот воды! Глаза разъедает от соли и ветра! Неужели так будет теперь всегда? Да, всегда…

– Здесь нам придется жить, – сказал Зеггерс штурману, – на кофе, на коньяке, на сигаретах из испанской махорки… Черт бы побрал этого «папу»! Сам-то он сидит по макушку в акациях! Ах, Лориан, Лориан… Шесть часов в электричке – и ты уже в Париже… Нам, кажется, не повезло!

До Нордкапа лодка шла в позиционном положении, выставив над морем только свою отточенную черную рубку. Приближался рубеж, за которым можно встретить русские корабли, и Ральф Зеггерс велел задраить на кремальеру крышку главного люка.

– Принять балласт, – апатично распорядился он. – Дизеля долой. Левым мотором средний. Лишнего шума не производить. Движение по отсекам ограничено. Мусор бросать в ящики. Боцман! Продуйте гальюны и следите, чтобы бегали пореже… Строгое радиомолчание! Я уже убедился, что есть научный способ продления жизни – для этого надо как можно реже выходить для связи в эфир!

…Их ждала встреча с обратным караваном QP-11.

Русское золото. Хроника ТАСС (апрель 1942 года)

4 – В Москве состоялся Второй всеславянский митинг.

8 – По сообщению германской печати, государственный долг Германии за время войны увеличился до 140 миллиардов марок.

14 – В советской печати опубликовано обращение к германской армии, подписанное 805 пленными немецкими солдатами.

17 – Англичане разрушили нефтепромыслы в Бирме.

22 – В Лондоне открыт памятник В. И. Ленину.

26 – Речь обер-палача Гитлера в рейхстаге, в которой он потребовал усиления репрессий.

27 – Нота народного комиссара иностранных дел СССР о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах…

…

Обратный караван QP-11 готовился в путь на родину.

Накануне войска НКВД патрулировали дорогу, ведущую в бухту Ваенга, где стоял английский крейсер «Эдинбург». С наших эсминцев наружная вахта видела, как по дороге, спускаясь с сопок, прошли грузовые машины, задернутые чехлами. Всю ночь на «Эдинбурге» шла какая-то возня, там мелькали огни фонарей, слышались свистки команд и хохот… Разгруженные машины отошли обратно в сопки, и разом исчезли с дороги патрули НКВД.

А завтра как раз праздник – 1 Мая… Колокола громкого боя и призывные выкрики горнов возвестили для нас походную жизнь. Еще с ночи громадный караван транспортов-обратников потянулся из Кольского залива. Самая сильная единица охранения, крейсер «Эдинбург», обгоняя медлительных «купцов», развил скорость и вырвался на Кильдинский плес – в яростный блеск моря.

Опять для «семерок» началась конвойная служба: качайся, наблюдай, стой у машин, будь готов. «Гремящий» и «Сокрушительный» мотало на зигзагах – правила обязывали срезать курсы зигзагами, чтобы подлодки противника не могли рассчитать верного угла для атаки. По радиотрансляции было объявлено:

– Леера в районе торпедных аппаратов срублены. Ветер усиливается, товарищи! По верхней палубе передвигаться осторожней…

В общем-то, если говорить честно, конвойная служба всегда скучновата. Ты весь в адском напряжении, и ослабить это напряжение никак нельзя, ибо сейчас спокойно, а ты не знаешь, что будет через минуту. С тебя течет вода. Ты не ведаешь сна и покоя, а… все же скучновато. Не эта ли самая скука заставила крейсер «Эдинбург» покинуть походный ордер, не связывая себя хлопотами охраны, и уйти бороздить океан в одиночестве?..

На мостике «Гремящего» – приглушенные разговоры:

– Его вчера чем-то там загрузили… по секрету!

– Какую-нибудь хреновину для Черчилля.

– Ну да! Много ты понимаешь. Он коньяк пьет только наш. Армянский. Вот и посылают несколько ящиков…

– Сигнальщики, не отвлекаться! – приказ с вахты.

Усатый Игорь Пчелин, со взглядом, обращенным на репитер гирокомпаса (а руки на манипуляторах), хмуро брякнул:

– Молодые все, салажня такая… поболтать охота!

Да, скучновата конвойная служба. Но Гурин отлично знает, что уходить с мостика все равно нельзя. В штурманской рубке диван дает командиру отдых на полчаса, а потом – снова на крыло мостика, к машинному телеграфу.

…

– Курсовой сорок пять… Дистанция… Шум винтов!

Акустик сдвинул наушники на виски и заметно помрачнел.

Зеггерс передал по трубам в отсеки:

– Соблюдать полную тишину, передвижение прекратить…

Все ждали теперь нежного, как звучанье гитарной струны, позвякиванья по корпусу лодки, когда по металлу барабанит модуляция британских «асдиков». Но теперь, кажется, англичане не играли на своих страшных и чутких струнах…

– Не будем прятаться, – сказал Зеггерс, хлопнув горизонтальщика по плечу. – Отработай рулями на подвсплытие.

С глухим воем перископ пошел наверх, и своим жутким всевидящим глазом он проткнул поверхность моря.

– Шум винтов растет… идут быстро, – докладывал акустик с «нибелунга». – Даю пеленг: сто сорок пять… сто сорок… сто тридцать пять. Давать дальше?

– Не надо, – ответил Зеггерс, склоняясь у перископа.

Сначала – муть, плеск, глаз перископа выхватывал то гребень волны, то кусок неба. Цели было не видать.

– Подвсплыви еще: перископ захлестывает водой… Теперь он разглядел пролетающий в одиночку британский крейсер, который быстро входил в пересечение нитей прицела.

– «Эдинбург»! – ахнул Зеггерс и тут же опустил перископ.

– Если он дает узлов двадцать да еще лежит на курсовом зигзаге, то мы промахнемся, – сомневался штурман.

– Да нет! – почти злобно выкрикнул Зеггерс. – Он шпарит, как король на прогулочной яхте: напрямик…

Скорость крейсера обязывала Зеггерса очень быстро приготовить расчеты для атаки. Время от времени поднимая перископ, он снова кидался локтями на планшет, штурман, морща лоб, помогал ему в тригонометрических вычислениях.

– Это такой прекрасный торт, – сказал Зеггерс, – что нам не стоит жалеть сладкой подливки… Будем давать залп из всех труб! Внимание – в носовом, слушайте меня: все четыре трубы – все четыре к залпу…

В носу подлодки откинулись четыре крышки, и море, если бы оно могло видеть, сейчас увидало бы четыре тупые, как свинячьи головы, торчащие наружу рыла торпед. На залпе из четырех труб субмарину дернуло кверху носом так, что электролит из батарей плеснуло через края баков.

– Включаю, – сказал штурман и, расслабленный, сел.

Секундомер – механизм, он страха никогда не ведал.

Секунда… секунда… секунда… секунда…

– Мимо! – отчаялся Зеггерс, потянувшись к бутылке с коньяком. – Все четыре мимо, и, конечно, я не виноват: на такой скорости даже наш «папа» сплоховал бы, наверное…

Он прижался губами к горлышку бутыли, и тут рвануло двумя взрывами сразу. Зеггерс, кося глазами на стрелки приборов, делал глоток за глотком, потом протянул бутылку штурману:

– Наши свиньи проскочили мимо, но кто-то попал в это английское корыто. Ясно, что поблизости была наша лодка, и ее торпедам повезло больше, чем нашим… Выпей и ты, все равно победа! Нами, – передал Зеггерс по отсекам, – торпедирован сейчас «Эдинбург», который во всем мире считается одним из лучших крейсеров… Хайль Гитлер, ребята!

И сдавленные в напряжении отсеки ответили ему мертвыми голосами, как из-под земли:

– Хайль… Хайль… Хайль…

Всего шесть отсеков – и шесть возгласов через шесть труб, концы которых выведены в центральный пост лодки, собранные тут в пучок у самого носа командира…

…

Придерживая замасленную фуражку, на мостик поднялся командир БЧ-5 (старший механик) «Гремящего» – М. С. Ротенфельд. Человеку из душных и горячих низов эсминца, где ярко пылают лампы, на мостике всегда особенно холодно.

– Антон Иосифович, топливо на исходе. Перехожу на питание из носовых цистерн, а там нефть, сами знаете, – не ахти!

– Дотянуть до Ваенги хватит?

– Подсосем с днища, – ответил механик, зябко ежась, а руки ему сводило от ледяного обжига траповых поручней.

– Тогда все отлично. Скоро сдадим свое место в ордере англичанам. Они – дальше, а мы – домой…

Но тут из радиорубки поступил приказ командующего Северным флотом: «Если можете, окажите помощь “Эдинбургу”»… Оставив корабли каравана, «Гремящий» рванулся на спасение союзника. Оказывается, на «Эдинбурге» (ужасная беспечность!) наружная вахта не заметила ни перископа, ни даже следа торпед. И теперь изувеченный «Эдинбург» сильно било на волне, разворачивая бортом в океан, – одна из торпед угодила под корму.

С мостика «Гремящего» хорошо было видно, как широкий лист стальной палубы крейсера завернуло, будто бумагу, накрыв этим листом орудия башни. Отсеки крейсера заполняло водой…

Гурин позвонил Ротенфельду в пост энергетики:

– Вынужден огорчить: подсасывайте с днища, откуда угодно, но хотя бы малый ход эсминец должен давать… Поняли?

Отчаянно дымя, из гавани Мурманска сорвались три британских тральщика – пошли на спасение крейсера. А на мостиках советских эсминцев стучали ширмы прожекторов. Сигнальщики писали союзникам: «Дотащим… дотянем… доверьте спасение крейсера нам!»

Но англичане молчали. Они упорно молчали.

…

Командующий Северным флотом вице-адмирал Арсений Григорьевич Головко, опытный флотоводец, человек высокой культуры, большой знаток русской поэзии, переживал сейчас трудные дни в своей жизни. Арсению Григорьевичу приходилось не только «вести войну» на гигантских просторах океана, но еще и быть дипломатом в постоянных сношениях с союзниками…

После прорыва германской эскадры через Ла-Манш обстановка на полярном театре заметно усложнилась, и в ближайшее время можно было ожидать самого худшего. Еще тогда, в феврале, Головко не раз спрашивал у британской миссии – как могло случиться, что линкоры противника вырвались из Бреста, но в ответ офицеры Home Fleet’a, приходящие в Полярное на своих кораблях, стыдливо отводили глаза: им тоже была непонятна оплошность Уайтхолла…

Ночь была бессонной. Вот уже и четыре часа утра. Рассвет.

– Там, – сказал Головко, заслоняя ладонью глаза от яркого света настольной лампы, – там наши эсминцы, наверное, уже добирают в котлы остатки топлива. Передайте через оперативников, чтобы они возвращались. Пусть придут на заправку к танкеру «Юкагир», и затем мы снова пошлем их в море…

Метеосводки – ой-ой-ой! В море корабли бьет на волне. Видимость – хуже не придумаешь. Но тянуть «Эдинбург» до базы необходимо, ибо груз – ответственнейший груз – покоится сейчас в отсеках этого крейсера. Начальник британской военно-морской миссии, контр-адмирал Беван, тоже провел эту ночь на ногах. Война вытащила его с фермы, где он разводил кур, война сделала его морским атташе при Северном флоте. Старый моряк и честный человек, Беван

тяжело переживал общие союзные неудачи.

Между двумя адмиралами, советским и британским, установились нормальные деловые отношения. Сейчас, когда в море погибал «Эдинбург», им говорить не хотелось…

Головко очень деликатно лишь напомнил Бевану:

– Крейсер, если не считать развороченной кормы, остался боеспособен. Он еще может постоять за себя!

Но доклад с моря был неутешителен: 740 матросов покинули «Эдинбург», перейдя на палубы кораблей охранения. Беда пришла очень скоро: три гитлеровских эсминца под командой опытного вояки Шульце-Хинрикса, появясь внезапно, дерзко вышли в атаку. Англичане пытались спастись за дымовой завесой, но сильный ветер тут же разорвал ее в клочки. Шульце-Хинрикс в упор расстрелял крейсер торпедами. Один из немецких эсминцев («Герман Шенман») поплатился при этом гибелью. Немцы особыми сетками успели подхватить из воды его экипаж и скоро скрылись в тумане…

– Теперь конец, – сказал Беван, страдая.

Последняя страница трагедии была перевернута самими же англичанами: их эсминцы дали торпедный залп, чтобы «Эдинбург» потерял остатки плавучести, и крейсер быстро затонул.

– В утешение, – добавил Беван, – могу сообщить, что никто из команды «Эдинбурга» не взял личных вещей… Пятьдесят человек из команды крейсера пропали безвестно в этой суматохе. Очевидно, вам не следует объяснять, что в нашем моряцком деле «пропасть» – значит «погибнуть»…

Арсений Григорьевич устало вздохнул:

– Я вас понимаю и сочувствую… Надеюсь, вы не будете возражать, если я верну с моря наши эсминцы?

– Я не возражаю, – выпрямился Беван. – Ваши моряки сделали для нас много, и Англия останется благодарна им!

Дело прошлое, и честного Бевана жаль; скоро его заменят опытным моряком Фишером, недавним командиром линкора «Бархэм», но контр-адмиралу Фишеру тоже придется краснеть немало… Больше, чем Бевану!

…

Что же грузили ночью под охраной НКВД на борт погибшего «Эдинбурга»? Уже тогда, весной 1942 года, Советское правительство стало расплачиваться с союзниками за поставки по ленд-лизу. В трюмах крейсера, уходившего с караваном QP-11, лежало десять тонн золота в слитках.

Всего на сумму в 100 000 000 рублей.

Теперь все это состояние покоилось вечным сном на грунте.

Недаром так настойчиво стучали тогда ширмы прожекторов на мостиках наших великолепных «семерок»!

Телеграмма Сталина

Под мощным прикрытием флота адмирала Дж. Товея караван PQ-15, замаскированный полярным туманом, немало пострадал на пути в Россию от ошибок самого эскорта. Сначала английский линкор «Кинг Георг V» лихо разрезал свой же эсминец «Пенджаб», а потом британские корабли взялись за уничтожение подводной лодки «Ястреб», плывшей под флагом непокоренной героической Польши. Командир этой лодки, Болеслав Романовский, жестоко израненный, дважды командовал «на всплытие», давая позывные союзникам. Но англичане с упрямством, достойным лучшего применения, продолжали атаковать поляков бомбами и снарядами. На мостике лодки – труп на трупе! – лежали убитые польские матросы… Суд в Лондоне выяснил, что командиры

английских кораблей, затоптавшие «Ястреба» в пучину, скверно ориентировались в обстановке и не знали собственных опознавательных сигналов. Но караван PQ-15 все же дошел до СССР, потеряв из 25 судов лишь три транспорта, торпедированных с воздуха.

А отправку следующего каравана, PQ-16, англичане явно затягивали… 27 апреля Рузвельт раздраженно писал Черчиллю в том духе, что США не за тем посылают помощь СССР, чтобы Англия заблокировала на своих базах в Исландии эти нужные для русских грузы. 2 мая пунктуальный Черчилль отвечал президенту: «Несмотря на глубокое уважение к Вам, выполнить Ваше предложение мы не в силах…»

Это призрак «Тирпитца» блуждал в океане…

Шестого мая Сталин обратился с посланием к Черчиллю.

«В настоящее время, – писал он, – скопилось в Исландии и на подходе из Америки в Исландию до 90 пароходов с важными военными грузами для СССР. Мне стало известно, что отправка этих пароходов задерживается на длительный срок…

Тем не менее я считаю возможным обратиться к Вам с просьбой сделать все возможное для обеспечения доставки этих грузов в СССР в течение мая месяца, когда это нам особенно нужно для фронта».

Теперь, когда немцы вновь повели сильное наступление на широком фронте, каждый самолет, каждый танк и каждая тонна алюминия были особенно нужны стране. Важные промышленные центры были оккупированы врагом, а большинство наших заводов, вывезенных в глубь России, еще не развернуло свою производственную мощность. Вся наша страна замерла в страшном напряжении… Ленинград – в блокаде, враг еще не ушел далеко от Москвы, а гитлеровская армия, грохоча гусеницами танков, двумя железными бивнями устремилась на Кавказ и на Волгу. В этих условиях лишить СССР помощи было бы преступно, и Черчилль был вынужден признать:

– Русские сейчас ведут очень тяжелые бои, и они ждут от нас, что мы пойдем на риск… Операция будет оправданной, – диктовал он прямо на телетайп, – если к месту назначения дойдет хотя бы половина судов!

Черчилль ускорил отправку очередного каравана, который вышел в океан под кодовым названием PQ-16… Тогда же в фиордах Исландии стал формироваться следующий караван с военными грузами – PQ-17.

Этому каравану уже не придется следовать обратно на родину под обнадеживающими литерами – QP: ему приготовлена иная судьба, которую мы никому не пожелаем.

«Ничего, проскочим!»

При отправлении конвоя PQ-16 Британское адмиралтейство откровенно признало возможность уничтожения каравана. Черчилль писал тогда Сталину, что погибнет, по всей вероятности, половина всего каравана. Однако 35 транспортов все-таки пошли в СССР, потери же составили лишь 8 кораблей…

Я этого никогда не видел, но мне об этом рассказывали… Над океаном вдруг растет большой «гриб», верхушка которого почти касается туч. Это значит, что далеко за горизонтом торпедирован транспорт, груженный взрывчаткой. Его разнесло буквально в атомы, но сила взрыва и гром его неслышно растворились под куполом неба. Проходит минута, вторая… вода вдруг на много миль покрывается неприятной рябью, и слышится тихий шелест, будто ты попал в парк, где опадают осенние листья. В этом шелесте невольно чудится шепот – ощущение такое, будто погибшие за горизонтом торопятся что-то договорить живым – свое последнее, очень важное. Так гибнут люди, везущие взрывчатку. И дьявол побери эту взрывчатку! – ведь даже взрыва не слыхать – только тихий шелест, только нежный шепот, только рябь на воде, тревожная и пугающая…

К чему я все это здесь рассказал?

А к тому, что английское командование доверило везти взрывчатку нашим советским морякам!

Вот теперь, читатель, все ясно…

В мае уже светло над океаном, и враг обрушивал на PQ-16 свои самолеты с бомбами и торпедами. Англичане противопоставили эскадрильям Геринга только один свой самолет, выбрасываемый в небо с катапульты транспорта. Британский летчик мог сделать лишь один боевой вылет. Мало того, этот отважный парень был приговорен еще на взлете с катапульты, ибо вернуться ему было некуда. Катапультированный просто садился в океан, самолет тут же тонул, а пилот оставался на резиновом плоту, где весла, банка тушенки и компас были его единственными друзьями. Надежда на то, что его заметят и подберут, практически была очень слабой… Здесь мы сталкиваемся со своего рода камикадзе – только на европейский лад!

Впрочем, этот британский летчик с PQ-16 успел свалить две немецкие машины, после чего погиб сам, уничтоженный по ошибке собственной артиллерией.

Прощай, парень, ты свое дело сделал!

PQ-16 прошел. Его провели. Его протащили через смерть.

…

Удивительная судьба выпала на долю скромного теплохода «Старый большевик», который в составе PQ-16 тянулся к родным берегам от самой Америки. Капитаном корабля был Иван Иванович Афанасьев, любивший в критические моменты повторять:

– Ничего, ребята, проскочим…

Как назло, все мины, будто заговоренные, лезли именно под нос «Старого большевика» – тридцать штук их попалось по курсу, и только искусство капитана Афанасьева спасло теплоход от неизбежной, казалось бы, гибели. Потом появилась подлодка противника. И опять торпеда в гуще транспортов выбрала не кого-нибудь, а именно «Старый большевик».

– Боря! – кричал Афанасьев рулевому. – Лево руля… а теперь право клади!

Рулевой Аказенок увернул тяжелый корабль от торпеды. Первый помощник капитана Петровский посмотрел на небо.

– Вот, – сказал, – сейчас и навалятся.

– А ты не каркай, – пробурчал капитан.

Один торпедоносец они сбили прямым попаданием в бензобаки. Другой сбросил торпеду, но «Старый большевик» отшвырнул ее прочь за корму сильным буруном винтов. Я, как бывший рулевой, понимаю всю ювелирность этого рискованнейшего маневра. По сути дела, Борис Аказенок работал на штурвале архиточными движениями – так химики в лабораториях передвигают реторты с гремучей ртутью…

С палубы они проследили, как во мгле торопливо скрылся вражеский торпедоносец.

– Сбросил-то, паразит, одну торпеду, – догадался Петровский, – а под брюхом у него вторая болталась… Значит, сейчас вернется, чтобы продублировать атаку!

– Ничего, проскочим, – утешил капитан своего помощника.

Жить и плыть на тоннах взрывчатки, когда из воды бьют по тебе торпедами, а с неба, будто крупой, посыпают бомбами, – такая жизнь не по нутру была даже капитану Афанасьеву, человеку чрезвычайно выдержанному.

– Но жить-то надо, – рассуждал он. – Черта всем нам в рот немытого, но выспимся, когда всю эту баланду сгрузим…

Семь союзных транспортов немцы уже отправили на дно.

Команды поврежденных транспортов тут же переходили на суда эскорта. А затем британские миноносцы огнем орудий беспощадно уничтожали покинутые корабли.

Иногда случались даже анекдотичные ситуации: сверху транспорт бомбит немец, а с воды его расстреливает англичанин. Работали так, будто сговорились.

– А сколько добра гибнет, – переживал Петровский. – Ведь один такой транспортюга дивизию может снабдить для боя…

Непонятно почему, но противник вдруг дружно навалился на наш теплоход. Может, их разведка пронюхала о том чудовищном грузе, который скрывался в трюмах «Старого большевика»? Вот когда началась работа! Зенитные автоматы, установленные на спардеке транспорта, обойму за обоймой выстреливали в небеса. Первые сутки в бою… вторые… вот уже и третьи!

Вахтенный журнал был наспех исписан заметками об атаках.

Сорок семь атак с воздуха на один гражданский корабль, с палубы которого стреляют штатские люди в ватниках и ушанках, а на ногах – валенки… Присутствие же в трюмах взрывчатки, конечно, не украшало их жизни!

– Зато смерть у нас будет легкая, – говорили матросы. – Как пшикнет разом, и мы все – сразу в дамках!

Люди команды отлично сознавали, что никто из них не спасется и все они, случись взрыв, превратятся в пар, который тут же легким облаком растает над бездонностью океана.

Каждый понимал, что прямое попадание бомбы – смерть.

И это попадание – прямое!!! – случилось…

Крупная немецкая бомба взорвала бак транспорта. Вспышка пламени ослепила всех стоявших на мостике. И грянул взрыв – вот, кажется, и конец… Но храбрецам всегда отчаянно везет: взрывчатка не сдетонировала. Зато начался пожар, огонь уже облизал надстройки. Немецкие пикировщики, привлеченные дымом, усилили натиск своих атак. От страшного сотрясения корпуса на теплоходе сами собой остановились машины…

– Теперь крепко стой, ребята! – горланил из дыма Иван Иванович. – Здесь тебе мамок нету… давай, черти, работай!

Когда «Старый большевик», казалось, уже погибал – вот-вот взорвется на собственном грузе, к нему подскочил британский корвет и направил на него свои орудия.

– Читай, что пишут, – велел Афанасьев сигнальщику.

Корвет передал решение флагмана конвоя PQ-16: пока не поздно, покинуть судно, а команде перейти на корабли эскорта.

– Вот те на! – удивился капитан. – Отвечайте на флагман: «Спасибо, но мы не будем хоронить свое судно…»

На кораблях конвоя возникло некоторое замешательство. Тут было сейчас уже не до вежливой дипломатии, и корвет в азарте, рискуя собой, подошел к самому борту «Старого большевика».

– Мы не можем ждать вас! – прогорланили с мостика прямо в дым, прямо в треск огня. – Мы еще раз предлагаем… прыгайте все на нашу палубу. А судно мы расстреляем.

Англичане наблюдали непривычную для них картину: в то время, когда мужчины сражались с огнем, за пулеметами сидели русские женщины в ватниках, обвешанные пулеметными лентами, возле пушек на подаче снарядов тоже стояли женщины…

– Нет, – отвечал союзникам Иван Иванович. – Большое спасибо, но расстрелять меня и немцы могут. Не затем перли мы груз, язви его в корень, от самого Бостона, чтобы здесь потерять.

– А тогда, – объявили им с корвета, уходящего прочь, – дайте хоть радио своим, что вы от нашей помощи отказались.

– Дадим радио! Ваша совесть чиста… Доброго пути вам!

Водяные пушки корабельных гидрантов с гулким выхлопом били столбами воды по пламени. Презрение к смерти, которое проявил капитан, передалось и его команде. Дружно (даже раненые) все бросились на тушение пожара. Охваченный огнем корабль с грузом аммонала – что может быть страшнее? И корабли спешили пройти мимо. Скоро из видимости пропали последние суда каравана. Долго еще виднелись в небе колбасы аэростатов, привязанных к мачтам конвоя. Потом и аэростаты исчезли с горизонта.

Караван PQ-16 ушел, а теплоход остался в океане один.

Один в огне! На нем, конечно, поставили крест.

Такие не возвращаются.

Это не люди, это уже покойники…

Медленно, день за днем, миля за милей, тянется караван. Быстрым эсминцам и вертким корветам такой темп не по душе – они рвутся в стороны от тихоходов; пишут восьмерки и зигзаги, слушая воду «асдиками» – не крадется ли враг?.. PQ-16 приближался к советским водам, и смерть отлетала от кораблей. Команды эскорта и транспортов в напряжении следили за горизонтом. И вдруг – тревога! – замечено неизвестное судно.

– Оно нагоняет нас, сэр!

Черный от ожогов корабль, почти уже неживой, развивал предельные обороты. Казалось, мертвец восстал со дна океана. А кто он – почти не узнать в этом обгорелом скелете. Но он двигался. Он спешил. Он был жив. Он мигал прожектором… Ревом восторга огласились корабли конвоя PQ-16, когда в этом пришельце с того света узнали корабль, брошенный в океане.

– Вы подумайте, сэр: они не только сбили пламя, они умудрились запустить машину… Как они смогли отыскать нас?

Флагман конвоя PQ-16 поднял на мачтах сигнал:

«ВОСХИЩЕН МУЖЕСТВОМ ВАШЕЙ КОМАНДЫ».

И все корабли каравана расцветили свои мачты букетами флажных приветствий. «Старый большевик», весь в рубцах и ожогах, скромно просил по семафору, чтобы ему показали место в ордере. Весть о подвиге теплохода тут же по радио дошла до Лондона, и Британское адмиралтейство переслало морякам свое восхищение и теплую благодарность за небывалое в истории мужество.

Заняв свое место в походном ордере, «Старый большевик» приступил к тяжкой обязанности прощания с павшими. Они лежали сейчас на корме, одинаково завернутые в казенные простыни, в ногах каждого – груз, ускорявший падение в бездну, и погибших женщин было не отличить от мертвых мужчин…

Был тих, неподвижен в тот миг океан,

Как зеркало, воды блестели.

Явилось начальство, пришел капитан –

И вечную память пропели.

Напрасно старушка ждет сына домой.

Ей скажут – она зарыдает.

А волны бегут…

В мужской хор вплетались женские голоса: подруги хоронили своих подруг, падавших сейчас в океан. А песня была старая, как и русский флот. Песня – еще в «мужском» варианте. О женщинах, павших в бою посреди океана, такой песни в нашей стране пока не сложено…

…

Известие о трудном положении, в какое попал (и еще попадет) конвой PQ-16, дошло до Москвы, и Ставка Верховного Главнокомандования приказала Северному флоту усилить воздушный барраж над кораблями конвоя. Наши

эсминцы вышли для встречи союзников, когда в караване из 35 транспортов осталось лишь 27, и английские историки не забыли отметить, что «с подходом трех советских эсминцев дышать стало легче»! За последние дни противник бросил против них 208 своих самолетов. В небе от разрывов стоял трескучий ад. После отражения каждой атаки командир британского эскорта передавал на наши эсминцы: «Благодарю за прекрасный огонь!»

Обстановка в океане действительно сложилась нелегкая. Много кораблей горело, выстилая по небу исполинские шлейфы дыма. Немецкие же самолеты, сбросив торпеды, поворачивали на заправку, и через полчаса их опять видели висящими над мачтами. Блестяще проявил себя миноносец «Гарланд» под флагом героической Польши (командир Генрик Эйбель). Экипаж был уже наполовину выбит, корабль горел, но из пламени израненные поляки продолжали отражать все атаки с воздуха…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Это первое преступление фашизма на море детально описано в 3-й главе книги лорда Э. Рассела «Проклятие свастики», которая вышла в русском переводе в 1954 г. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Литерация караванов буквами PQ (пэ ку, пэ кью) объясняется тем, что в Англии оперативным планированием конвоев в СССР ведал офицер флота P. Q. Edwards; от его инициалов Британское адмиралтейство и взяло название для караванов, идущих к русским берегам через арктические воды.

3

Караваны, идущие из СССР, именовались в обратном порядке – не PQ, а QP.

4

Этот авианосец Гитлера не был достроен из-за нехватки стали.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pikul-_valentin/rekviem-karavanu-pq-17

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить